

ПОДПОЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ 1770—1800-х годов

Публикация Г. Гуковского и В. Орлова

I

Литература XVIII в. знала два способа распространения стихотворных и прозаических произведений, два способа, почти равноправных: печать—книга, брошюра, журнал, листовка, с одной стороны, и рукопись, список—с другой. В рукописных собраниях и архивах Ленинграда и Москвы хранится множество листков, тетрадей, томиков, а иногда и больших толстых книг, исписанных чаще всего не слишком каллиграфическими почерками любителей литературы XVIII и начала XIX вв., содержащих литературные произведения этой эпохи.

Печатная книга в те времена была очень и очень дорога. Заплатить 2—3 рубля и более за книжку стихов, когда годовой оброк крепостного крестьянина своему «барину» составлял сумму в 3—6 рублей, когда на 3 рубля можно было прожить три месяца, для многих было невозможно.

Читателей литература вообще имела немного; тираж печатной книги в 1200 экземпляров в 60-х и даже 70-х годах XVIII в. считался крупным тиражом; но книги выходили с тиражом и в 600, и в 300, и даже в 200 экз.; журнал мог выходить, имея полтораста подписчиков. Но может быть не менее, чем печатных экземпляров, расходилось в «публике» списков многих произведений.

Рукописная книга подчинялась естественному отбору читательских интересов: читатель списывал то, что ему нравилось; вещи, не имевшие успеха, не попадали в рукописную традицию. С другой стороны, рукописная книга была свободна от цензуры, от журнальной дипломатии, от защитного цвета официальных мнений, обязательного для большинства печатных книг. Многие попадали в рукописные книги и получали широкое распространение задолго до печати; многое так и оставалось навсегда в рукописях, нисколько не страдая от этого в смысле известности, читательского успеха, участия в литературной борьбе.

Тем интереснее изучить наследие многочисленных рукописных сборников, что по ним мы сможем судить и о таких сторонах литературной жизни, о которых иногда мы не получим достаточных материалов на основании анализа только лишь печатной книги того времени.

Составителями рукописных сборников, переписчиками и владельцами их бывали чаще всего «средние» люди: какой-нибудь офицер, сидящий год за годом в провинции при своем полку, средний помещик, чиновник, может быть купец. Иногда они списывали с печатной книжки, взятой на время у ее владельца, но чаще со списков же, хотя в послед-

нем случае все же иной раз первоисточником традиции являлась печатная книга (напр. журнал). Основная масса текстов, вписывавшихся в рукописные книги,—это стихи и исторические документы, т. е. реляции военачальников о сражениях, рескрипты царей, переписка знаменитых или популярных политических деятелей, официальные «записки» по политическим вопросам, подаваемые этими деятелями правительству, и т. д.; следовательно этот отдел рукописной литературы являлся своеобразной заменой позднейшей неофициальной политической газеты, не существовавшей еще в печатном виде в XVIII и почти не существовавшей в начале XIX в. Здесь получали свое—впрочем довольно урезанное—выражение политические интересы и политическая мысль различных группировок привилегированных классов; здесь сосредоточивалась независимая, а иной раз и оппозиционная публицистическая продукция этих группировок; здесь выступали перед публикой лидеры тех или иных партий, боровшихся вокруг власти; здесь же и правительство демонстрировало свою деятельность.

Что же касается стихов (и изредка прозаических произведений художественной литературы), то в рукописи попадало все вообще, что нравилось, что имело успех. Списывались басни Сумарокова, иногда целые трагедии его, позднее песни Дмитриева, еще позднее—Жуковский в необычайном изобилии, Пушкин. Но рядом с этими вещами, попавшими в рукописную традицию из печати, особое место в ней занимает литература, недопустимая для печати того времени, специфическая именно только для рукописной традиции. С одной стороны,—это Барков, это многочисленные продолжатели его традиций, порнографы и просто эротические писатели (сюда же относятся и некоторые стихотворения, бывшие в печати, как например сказка П. Карабанова «Нет», распространенная в списках анонимно¹). С другой стороны,—это нецензурная литература другого типа, это—литературная полемика, недопустимая в печати по обычаям того времени, да и на самом деле нередко очень грубая, это—сатира или даже пасквиль на то или другое известное лицо, будь то Сумароков, или Рубан, или какой-нибудь чиновник, это, наконец, политический памфлет, эпиграмма, стихотворная инвектива против власти, против тех или иных ее представителей, против направления ее политики.

На правах такой именно нелегальной литературы приобрели всеобщую известность многие оды Державина, которые не могли в течение ряда лет быть опубликованы в печати по цензурным условиям. Таким же, в сущности, образом списывалась целиком вся объемистая книга Радищева, уничтоженная и строжайше запрещенная. Позднее таким же образом стали общеизвестны и стихотворения Марина, и ноэли, и «Деревня», и «Жинжал» молодого Пушкина, и др.

Часть произведений такой нелегальной поэзии анонимна, и не мало среди них написано дилетантами, руководимыми больше всего желанием выразить свое общественное или личное негодование, пустить «в народ» инвективу против неугодного им лица и т. п. и не предполагавшими выступать в области художественной литературы в качестве «настоящих» поэтов. Это не делает конечно произведения таких дилетантов менее интересными для историка литературы.

Особое ответвление дилетантской подпольной литературы составляет так сказать ведомственная поэзия, с образцами которой мы часто

встречаемся в сборниках XVIII—начала XIX в. Сатира на чиновников какого-нибудь учреждения, на офицеров какого-нибудь определенного полка, шуточные стихи на какое-нибудь скандальное или смешное событие в жизни небольшой группы людей, объединенных служебными или узкоместными интересами, перебранка в стихах двух врагов-сослуживцев или соседей—таково обычное содержание этих ведомственных стихов. Они имели первоначальное хождение в узком кругу людей, знакомых с их «реалиями», для которых намеки, заключенные в них, были понятны и смешны, для которых сатира их была убедительна. Однако же самое обилие такой местной сатиры указывает на то, что ее значение переросло границы только лишь локального интереса. При крайней узости вообще «читательских» кругов, при узости вообще всего официального, чиновничье-офицерского круга тогдашней России, когда все «служащие» в мало-мальски заметных чинах или хотя бы в заметных учреждениях и полках были на виду, ведомственная сатира могла приобретать значение «общегражданской». Ведь именно из такой местной, служебной поэзии выросло примечательное творчество Марина; с этой же подпольной традицией тесно связано искусство не только И. М. Долгорукова, но и знаменитого автора украинской «Енеиды» И. П. Котляревского и даже отчасти самого Державина.

Рядом с дилетантскими и «ведомственными» произведениями мы встречаемся в подпольной традиции и с вещами, вышедшими из-под пера настоящих поэтов, иногда больших мастеров.

Таким образом помимо официальной, печатной, литературы образовалась во второй половине XVIII в. прочная традиция другой, подпольной, литературы, чаще всего более злободневной и во всяком случае более откровенной, чем печатная. Эта подпольная литература и, в частности, подпольная поэзия не приведена еще в достаточной мере в известность историей литературы. Лишь немногим из популярных и широко распространенных в эпоху Державина и Карамзина рукописным стихотворениям повезло в позднейшей науке; например издана—и издана не один раз—сатира на министров Александра I—«Бостон»²; издана неоднократно пародия Марина на оду из Иова Ломоносова, заключающая памфлет против Павла I, «Святки» Д. П. Горчакова и др. Но большинство стихотворений, по большей части анонимных, «носившихся в народе» в это время, до сих пор погребено на страницах рукописных книг и собраний, среди которых есть и составленные достаточно известными людьми, как например Болотов или Державин.

Между тем пристальное изучение рукописной литературы XVIII и начала XIX в. может дать весьма значительный материал для характеристики литературной жизни не только тех ведущих в культурном отношении групп общества, прежде всего помещичьих групп, которые владели наибольшими возможностями проявить свое творчество и в печати, но и тех классовых групп, которые не имели достаточно силы, чтобы выступить открыто на арену литературной борьбы. Это же ведет нас и к тому материалу, который мы сможем почерпнуть из подпольной литературы для характеристики движения социально-политической мысли в данную эпоху, для изучения расстановки социальных сил,—и не только в области художественного творчества. Не задаваясь в настоящей публикации широкими целями изучения рукописной поэзии в целом или хотя бы в одном из ее ответвлений, мы хотим лишь предложить

И я вижу что бодро ступаешь
А своєю харею люде пужаешь
Только на тебе убор хорошъ
А харею весьма неприго

ЩЕГОЛИХА

Народная картинка - карикатура XVIII века

(Она говорит щеголю :

„И я вижу что бодро ступаешь,
А своєю харею людей пужаешь,
Только на тебе убор хорошъ,
А харею весьма не пригож“.)

Публичная Библиотека, Ленинград

ЩЕГОЛЬ

Народная картинка - карикатура XVIII века

(Он говорит щеголихе:

„Я старик невелик, а бодер ступать
 Кто бы со мною вышел потанцовать.
 Токмо на меня не дивитесь
 Зря на мою персону веселитесь“.)

Публичная Библиотека, Ленинград

вниманию читателя несколько произведений, извлеченных из старинных рукописных тетрадей или книг, при чем стихотворения эти в том или ином направлении составляют оппозицию существовавшим тогда правительственным лицам, мероприятиям или организациям. Особо стоят при этом произведения уже не только оппозиционные, а в основном осуждающие антифеодальную, «Радищевскую» струю русской поэзии. Такие стихи лишней раз убеждают нас в том, что ни в обществе, ни в литературе второй половины XVIII в. вовсе не было того официального благополучия, которое прокламировалось властью и нередко принималось на веру, по крайней мере в отношении дворянства и его творчества, в науке и критике не только XIX, но и XX в. Одна только печатная литература не может дать исчерпывающего материала для суждения о «состоянии умов» различных классов при Екатерине II. Лишь с трудом попадали в нее отзвуки подлинных настроений тех или иных социальных групп или даже общественного мировоззрения того или иного писателя, если он не был настроен совершенно официально. Последнее же бывало далеко не часто. Журнал Фонвизина был запрещен еще до своего рождения. Оды Державина, Капниста оказывались «нецензурны» и т. д.³

Даже мемуарная литература не всегда дает достаточно возможностей судить об отношении к власти и к социальным проблемам вообще тех социальных групп, с которыми были связаны мемуаристы, поскольку нередко они, по ряду причин, мало касались вопросов «политики» (отчасти и из естественной осторожности). В этом отношении рукописная литература является сильным подкреплением тех данных, которые нам дают исторические материалы, касающиеся социально-политической практики классовых групп эпохи, и в то же время тех данных, которые мы можем по кусочкам, по намекам, по мелочам извлечь из переписки, частных архивов (и то и другое сохранилось или опубликовано в весьма недостаточном количестве), также и из печатной литературы.

Рукописная литература несколько не уважает власти. Возможности в этом отношении отличают ее даже от архивных материалов, писем и т. п., всегда более подверженных страху своих владельцев; кроме того ведь до нас дошли архивы главным образом вполне официальных лиц.

Убедительным контрастом рядом с торжественными одами звучит стихотворение, помещенное в сборнике «Девическая игрушка», т. е. в сборнике Барковских и псевдо-барковских произведений с названием «Е.....а (сатира на русскую императрицу Анну Иоанновну)»⁴. Эта сатира несомненно написана вовсе не к приезду в Россию Анны Иоанновны по случаю «избрания» ее на императорский престол в 1730 г., как хочет представить дело название (может быть сформулированное вообще в XIX в.). Она написана правильным ямбом, немислимым для стихотворения начала 30-х годов, да и язык ее свидетельствует о том, что она относится к концу XVIII в. Она написана конечно и не в порядке насмешки над Анной Иоанновной, умершей около столетия назад. Имя Анны Иоанновны поставлено здесь, думается, для отвода глаз, на всякий случай, для возможного полицейского вмешательства. Можно с уверенностью сказать, что на самом деле стихотворение имеет в виду «царствующую императрицу» Екатерину II и приурочено к ее путешествию в Новороссию и Крым в 1787 г.

В самом деле, речь в нем идет о том, что в Глухове узнали о приезде распутной монархини и своеобразно готовятся к нему. Анна Иоанновна никак не могла проезжать на пути из Митавы в Москву через Глухов, и вообще Глухов не имел отношения к ее приезду в Россию. Наоборот, Глухов был одним из старинных городов на том пути, по которому ехала Екатерина II в 1787 г. в Крым. С начала XVIII в. Глухов был местопребыванием малороссийского гетмана. 22 января Екатерина, вместе со всей своей огромной свитой, приехала в Новгород-Северский, в полусотне верст от Глухова. Здесь, в Новгороде-Северском, ей представлялись местные нотабли (в том числе и епископ новгород-северский и глуховский Илларион). Нет сомнения в том, что и глуховские чиновники встречали Екатерину. 24 января царица выехала из Новгорода-Северского по направлению к Чернигову. Именно здесь, в окрестностях маршрута знаменитого путешествия, и возникло, повидимому стихотворение, попавшее в «Девическую игрушку»⁵. Автором его конечно не был Барков, умерший значительно раньше (в 1768 г.). Опубликовать это стихотворение целиком невозможно. Во всяком случае оно вполне неуважительно по отношению к «священной особе» императрицы, обозначенной в нем русским словом, характеризующим ее распутство, в самом деле титаническое. Приведу текст его с пропусками.

Как в Глухове спознали
Е.....цы приход,

..... бежали,
Чтоб встретить у ворот.

Магистры и старшины
За нужное почли,
Чтоб все . . . большие
Навстречу ей пошли.

А маленьким
Приказ был дан такой:
Отнюдь бы из порточков
Не лазил никакой!

Лишь только появилась
Е ца во град,
Все всполошились,
Ударили в набат.

Одна всех шире,
Безногого⁶ жена,
Кричит: где ж правда в мире!
Какие времена!

Магистр все глотки
Велел зажать,
Набив на них колодки,
В тюрьму всех посадить.

В минуту спор шумливый
Утих весь крик и бунт;
Магистр, как муж учтивый,
Скомандовал: во фронт⁷.

И, взявши . . . свой в руки,
 Спросил, отдавши честь:
 Поскольку ж . . . в сутки
 Прикажете отчесть?
 Е ца сказала:
 Великий пост, так грех;
 С дороги ж я устала,
 Довольно будет трех!

«Политики» в этих стихах нет, но есть достаточно определенное отношение к монархине. Если бы автор таких стихов стал известен правительству, он мог поплатиться за них очень жестоко.

Ведь в 1759 г. было поднято целое цензурное дело из-за стихов Ржевского об итальянской актрисе Сакко только потому, что они оканчивались так:

Хоть неких дам язык клеветет ты хулою,
 Но служит зависть их тебе лишь похвалою:
 Ты истинно пленять сердца на свет рожденна⁸.

Здесь видимо был скрыт намек на каких-то «значительных особ». Стихи были изъяты из журнала, в котором они были напечатаны; автору удалось выпутаться благополучно. Это было еще при Елизавете. А при Екатерине, в 1785 году, были открыты авторы шуточных картинок с подписями (рукописных), памфлетно изображавших правительственных деятелей и повидимому задевавших царицу. Авторы принадлежали к «высшему свету»; говорили, что одну из составителей, фрейлину баронессу С. И. Эльмпт, высекли; других выслали из столиц (вообще из мест пребывания царицы).

В «барковских» стишках о Екатерине выразилось презрение к носителю власти; в других подпольных стихах выражалось негодование, ненависть к тем или иным сторонам государственного строя. Социальные источники этих настроений различны. В особенности в последней четверти XVIII в. недовольство существующим положением охватывало все большие и большие слои населения.

Базу, нижний этаж его, составляло многомиллионное крестьянство, выносившее на себе всю тяжесть крепостничества. Свое мировоззрение и свое отношение к режиму оно выразило в Пугачевщине; но выразительны и его сатирические сказки или вирши (весьма примечательные). Середину общественного здания составляли горожане: созревшая буржуазия, стремившаяся свергнуть монополию жизненных благ, присвоенных помещиками; мелкая буржуазия, мещанство, «разночинство», готовые подчиниться бунтарским влияниям, готовые солидаризоваться с крестьянством. Верхний этаж общества, дворянство и бюрократия, также не представлял картины единства, согласия и довольства своим положением. Родовитое дворянство с ненавистью относилось к «поддъячим», к чиновникам, мелким людишкам, прочно державшим в своих руках рычаги государственной машины, пролезавшим в дворянство, захватывавшим крупные земельные богатства и политическую власть. В последней четверти века разыгралась острая внутриклассовая борьба различных групп дворянства. С одной стороны—поместная аристократия, социально консервативная, но фрондировавшая против политики власти; с другой стороны—кучка магнатов нового типа, выскочек, аферистов, захвативших власть и державших страну в своих руках не только тем, что они владели

ПОРКА КРЕСТЬЯНКИ В ПРИСУТСТВИИ ПОМЕЩИЦЫ И ДВОРНИ
 Зарисовка Х. Гейслера времени его пребывания в России (1790—1798 гг.)
 Раскрашенная гравюра из альбома „Strafen der Russen, dargestellt in Gemälden und
 Beschreibungen von I. Richter und C. G. H. Geissler“

колоссальными поместьями, не только тем, что в их руках через связанную с ними «подъяческую» бюрократическую машину сосредоточилась вся сила полицейского государства и армии, но и тем, что их поддерживали «низы» дворянства, мелкопоместная дворянская масса, враждебная олигархической в своих «либеральных» тенденциях аристократии. Впрочем по отношению к эксплуатируемым «низам» все группы дворянства были едины, различаясь лишь методами эксплуатации.

Таким образом к концу царствования Екатерины II ее правительством были недовольны очень и очень многие; помимо крестьянства, ежеминутно готового восстать, и «среднего рода люди», лишь в малой степени «ободренные» псевдо-демократическими демонстрациями власти в пользу российского третьего сословия, и родовое крепкое дворянство, составлявшее культурную верхушку эпохи, владевшее в значительной степени идеологической гегемонией, и тянувшиеся за ним слои среднепоместного дворянства,—все рады были где и как возможно обругать начальство, показать ему кулак, хотя чаще всего делалось это в наглухо запертом помещении. В этом отношении была глубочайшая разница в отношении к власти оппозиционного дворянства, с одной стороны, и идеологов мелкой буржуазии, смыкавшейся с революционной буржуазией передовых стран Запада,—с другой. Первые фрондировали, вторые пытались бороться, хотя бы в одиночку; первые спорили с сво-

ими же братьями по классу, раздирая с ними на части достояние, награбленное у крепостного раба; вторые хотели сражаться с рабством; первые выдвинули Фонвизина, вторые Радищева.

II

Екатерининские дельцы 70—90-х годов, авантюристы и рвачи, захватившие в свои руки и все центральные места в государстве, и колоссальные владения, тесною толпою ставшие вокруг трона, набросившие на страну жесткую сеть полицейско-бюрократического режима, все эти Потемкинские сподвижники—Фалеевы, Поповы, Гарновские и, в первую очередь, Безбородко вместе с самим Потемкиным—тяжелой рукою зажали рот всякой оппозиции их политике. Они искореняли всякое проявление «свободомыслия» и прежде всего дворянского «либерализма» во всех его разновидностях. На бюрократическую машину, организованную властью, и направилась ненависть всех тех, тенденции к независимости которых она ущемляла. Чиновник, человек, поставленный центральной властью, самоуправствующий грабитель,—эта фигура систематически изображалась и в подпольной литературе в самых черных красках, также как ряд фигур главарей той шайки, которая стояла у власти. Сущность зла чаще всего видели в фаворитизме; любовники царицы тянули за собой своих друзей, родных, прихлебателей, подхалимов. Родовитость, с одной стороны, и выслуга—с другой, теряли значение; не они давали места, ордена, богатства, а только лишь «случай», успех при дворе. Я не могу останавливаться здесь на социально-историческом истолковании этого факта, без сомнения существенно характерного для политики правительства Екатерины последних 15—20 лет ее царствования; здесь достаточно напомнить самый факт, возмущавший все оппозиционные круги. В каких выражениях могла характеризоваться личная, женская «нравственность» царицы, в которой современники могли иногда наивно усматривать одну из причин создавшегося положения, мы видели выше. Приведу пример, относящийся к оценке одного из темных дельцов последних лет Екатерининского царствования, Грибовского.

Автор печатаемого ниже стихотворения—Г. Р. Державин, неоднократно выступавший в своих одах с осуждением тех или иных черт деятельности Зубова, Потемкина и др. (хотя нередко и льстивший им выше меры); в стихотворении, не предназначенном очевидно для печати, он был конечно откровенен.

Отношения между Державиным и Грибовским были не совсем обыкновенные. Адриан Моисеевич Грибовский (1766—1833) восемнадцатилетним юношей, выступившим только что с переводом повести Арно «Опасность городской жизни», попал в секретари к Державину, отправлявшемуся в Петрозаводск в качестве губернатора Олонецкой губернии. В Петрозаводске Грибовский получил еще место и. о. казначея Приказа общественного призрения. Через год выяснилось, что мальчишка-чиновничек, проигравшись в карты, растратил казенные деньги. Державин, в это время уже покидавший место олонцкого губернатора, «спас» Грибовского и возместил из своих денег 1000 рублей, растроченных секретарем. Еще через несколько месяцев Грибовского уволили, и он отправился в Петербург. Репутация у него была плохая: не только история с растратой, но и «грубости» его в Петрозаводске вероятно стали известны.

Он попал в тяжелое положение. Денег у него не было, на службу устроиться он не мог. Он пытался получить место у А. Р. Воронцова, но сестра последнего, княгиня Дашкова, помешала этому—она ненавидела Грибовского. Впрочем о строптивости, заносчивости, неблагодарности, предательстве Грибовского говорят и другие современники именно в это еще время. Грибовский стал проситься на службу к Державину, тогда губернатору в Тамбове. Он писал Державину «униженные», бесконечно подобострастные письма: «не лишите меня чести и счастья принять от единых рук ваших все состояние и благополучие мое. Всякое место, где угодно будет вашему превосходительству меня определить, прииму я с несказанною радостью и благодарностью, ведая благодетельную и великую душу вашу»... и т. д. (письмо от 2 авг. 1786 г.).

Грибовскому было в это время 20 лет. Державин предпринял шаги, чтобы устроить Грибовского, но Дашкова запротестовала, и Державин отступился от своего протекже, несмотря на то, что тот напечатал в журнале статью «Благодарение г. Фелдингу за Томаса Ионеса», в которой поместил комплиментарный намек на Державина. Но Грибовский не пропал, а наоборот, всплыл на поверхность быстро и неожиданно. Он устроился в канцелярию к Потемкину, под начальство В. С. Попова, правителя канцелярии и правой руки всевластного фаворита.

НАКАЗАНИЕ КРЕСТЬЯНИНА БАТОГАМИ В ПРИСУТСТВИИ ПОМЕЩИКА И ЕГО СЕМЬИ

Зарисовка Х. Гейслера времени его пребывания в России (1790—1798 гг.)

Раскрашенная гравюра из альбома „Strafen der Russen, dargestellt in Gemälden und Beschreibungen von J. Richter und C. G. H. Geissler“

Грибовский вместе с Поповым и Потемкиным едет на фронт турецкой войны; Грибовский сопровождает своих «хозяев» и в Петербург. Роли меняются. Прошло два года с тех пор, как Грибовский, «согбенный бедностью», тщетно заискивал у Державина, и теперь сам Державин, теснимый в Тамбове генерал-губернатором Гудовичем, угрожаемый судом, опалой, отрешением от должности, обращается за помощью не только к Потемкину и к Попову; но и к двадцатидвухлетнему Грибовскому, которому он пишет просительное письмо (20 окт. 1788 г.); Грибовский почти что покровительствует своему бывшему патрону.

При Потемкине Грибовский получил и чины—до подполковника,— и орден, и 4000 десятин земли.

В конце 1791 г. Потемкин умер. Грибовский добыл у Безбородко рекомендательное письмо к Платону Зубову, немедленно пролез в доверие к любовнику царицы и получил место при нем. Уже вскоре Грибовский стал «первым фаворитом первого фаворита» (по словам его бывшего сослуживца Н. Эмина). Он—один из главных дельцов у трона, он обладает властью, и у него принуждены заискивать заслуженные генералы. 11 августа 1795 г. Грибовский назначен секретарем императрицы. Ему еще нет 30 лет, но он достиг одного из высших мест в государстве. В 1796 г. он уже полковник, он получает много денег и имеет солидное поместье. Как и другие дельцы его круга, Грибовский был настоящим авантюристом, беспринципным и откровенным.

После смерти Екатерины карьера Грибовского кончилась вместе с карьерой Зубова, которого впрочем негодяй-секретарь пытался свое временно предать. Павел выслал Грибовского из Петербурга, потом, в 1798 г., посадил в крепость (сначала в Петропавловскую, а затем в Шлиссельбург). Александр I освободил его, но второй раз всплыть Грибовский уже не мог⁹.

Стихотворение Державина о Грибовском относится повидимому к 1796 г., т. е. ко времени, когда он, доверенное лицо Зубова и секретарь Екатерины, был в зените своей силы (стихотворение помещено в 22 томе Державинских бумаг в Публичной Библиотеке в Ленинграде; в этом томе собраны были Державиным печатные и рукописные произведения в стихах и прозе, главным образом 1796—1798 гг.¹⁰ Ко времени после 6 ноября 1796 г.—дата смерти Екатерины—оно относиться не может). Понятно, какими глазами должен был смотреть на Грибовского Державин, когда ему, заслуженному государственному деятелю, человеку уже немолодому, в чинах, приходилось, наряду с другими своими сотоварищами по службе, выстаивать в «уборной комнате» Грибовского, который по обычаю фаворитов того времени принимал просителей, искателей и клиентов за туалетом, в «пудреной рубашке», т. е. в пудермантеле—плаще для причесывания и напудривания головы. В стихе 17-м—т р у б а, вероятно, пожарная труба. Л ь в о в, упоминаемый в последнем стихе,—конечно Н. А. Львов, поэт, архитектор, художник, друг Державина, доверенное лицо при Безбородко, служивший при нем по почтовому ведомству. Нет надобности указывать, что во второй строке стихотворения имеется в виду то обстоятельство, что Грибовский был секретарем Зубова. Форма «в очью» встречается также у Радищева («Путешествие из Петербурга в Москву», глава «Вышний Волочок»).

БЫЛЬ

В-ОЧЬЮ СОВЕРШАЕТСЯ

Какая-то презнатна тварь
 Боярин, иль боярской секретарь,
 Нет нужды до того,
 А дело только лишь до спеси здесь его,
 Сидел он в пудреной рубашке
 И волосы чеса.
 Полковники, как шашки,
 И целый фрунт пред ним стоял
 Служивых, офицеров,
 Куриеров, кавалеров,
 На шеях со крестами,
 На персях со звездами,
 Подмышкой с шляпами, со шпагой на бедре;
 И все ему хребтами
 Так гнулись, как спасу в серебре.
 А он, подняв вверх нос,
 Как будто хобот слон, или труба насос,
 Едва их взглядом озирая,
 Иных встречая,
 Других же провожая,
 О нуждах их не вспоминал,
 А только им главою лишь кивал.
 Услышал я о сем болване тщетной славы;
 — О времена! О нравы!—
 Я с горестью душевною вскричал.
 — На то ли носим мы монархов и вельможей дружбу,
 Чтоб ставить ни во что нам службу
 Достойных тех людей,
 Которы ею лишь достигли до честей,
 И коим должны мы всем нашим уваженьем
 За раны их, и ¹¹ за кровь, всем нашим снисхожденьем?
 Неужели и днесь совершается ¹² в-очью,
 Что должно обожать надуту харю чью?
 Что век сей, век тот идольский, бесовский
 В котором чучел чли на место мы богов?
 Но чтоб на быль сию не тратить много слов,
 Желал бы я узнать: кто идол сей таков?—
 Мне Львов ответствует: Грибовский.

III

Из всех фаворитов Екатерины, из всех дельцов второй половины ее царствования наибольшую ненависть вызывал Потемкин, завершитель системы полицейско-бюрократической власти, угнетатель помещичьего либерализма, самодур, некоронованный монарх страны, на которую тяжелым бременем ложились затраты на руководимую им политику захватов. Смерть Потемкина в 1791 г. вызвала несколько откликов. Тут и Державинский «Водопад», и ода И. И. Дмитриева на смерть кн. Потемкина, и прозаическое «Размышление» Фонвизина (напечатанное лишь

после смерти автора в 1805 г.), и другие произведения, «носившиеся в народе». Одно из стихотворений на смерть Потемкина было уже напечатано в «Русском Архиве» 1908 г.¹³. Здесь говорится между прочим, что он

Героем славился, Сармат был победитель,
Отечества же он был истинный губитель.
Несносен был он всем, зловерный человек,
Во сладострастиях провел почти весь век.
Вот в чем пред прочими себя он воспрославил!
Вот память по себе толь подлюку оставил,
При жизни истинной хвалы он не слышал,
По смерти же хулы от всех не избежал...

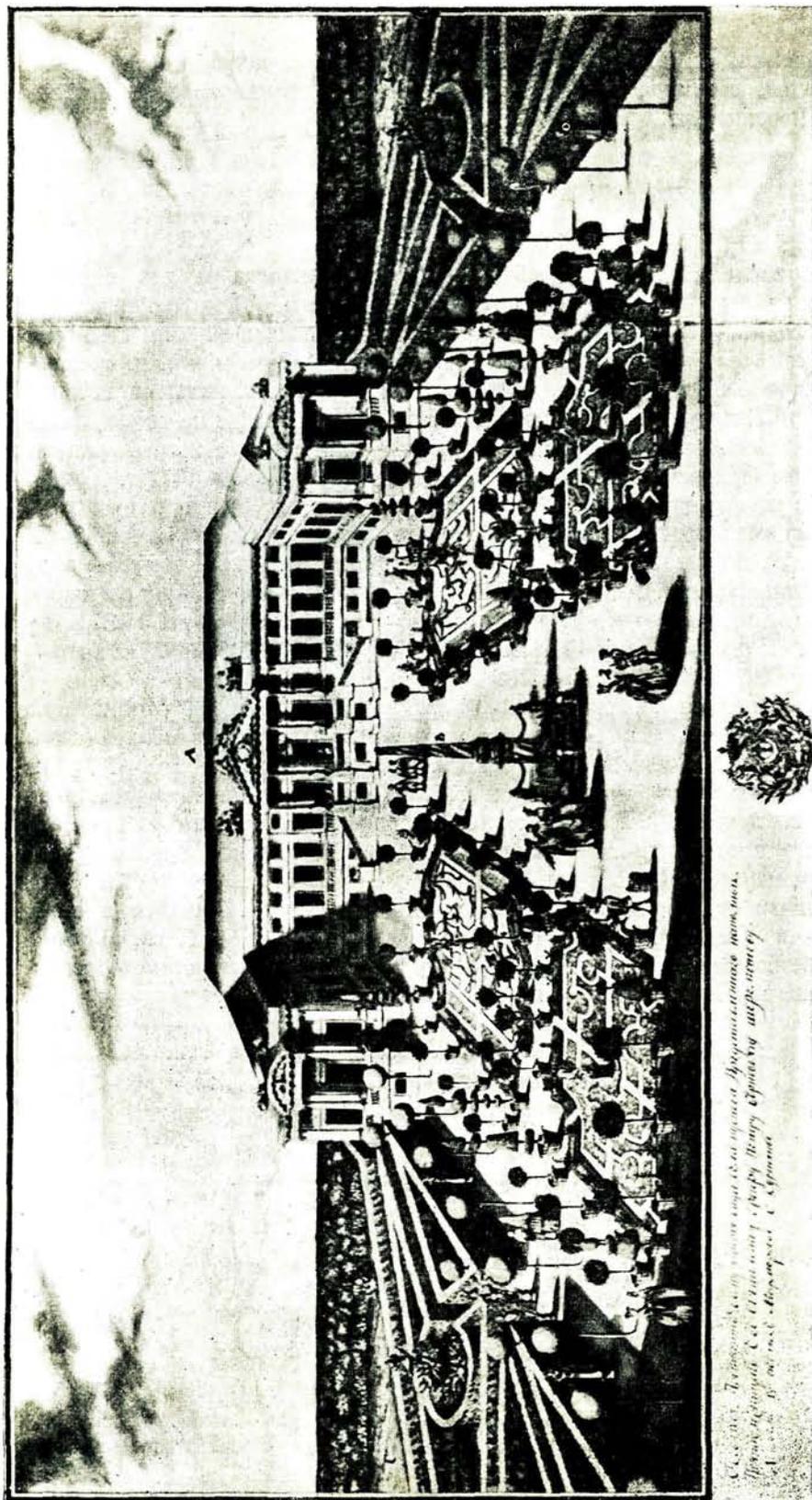
Другое стихотворение на тот же случай записал в свой рукописный сборник «Магазин достопамятных и любопытных бумаг и пиес, носившихся в народе» А. Т. Болотов¹⁴. Стихи эти, произведение неизвестного и видимо неопытного поэта, дают ряд черт облика «светлейшего князя», наиболее бросающихся в глаза недоброжелателям-современникам. Потемкин не отличал государственную казну от своей собственной, в результате чего получались огромные дефициты в первой, так как он тратил невероятно много денег на себя, на свой «двор», на свои начинания. Как военачальник он был бесталанен, победы ему добывал Суворов и другие его подчиненные. Справедлив также упрек в том, что он «пол женский развращал». Фалеев и Попов—креатуры и помощники Потемкина.

М. Л. Фалеев (ум. в 1792)—темный делец при Потемкине, сначала купец, потом статский советник (бригадир)¹⁵, богат и помещик; был известен своими спекулятивными и мошенническими операциями при Потемкинских учреждениях и армии.

В. С. Попов (ок. 1745—1829)—секретарь и помощник Потемкина, его «правая рука»; один из типичных дельцов Потемкинского окружения; попович по происхождению, он достиг высших чинов и должностей в государстве и огромного богатства. С 1786 г. он был статс-секретарем Екатерины. Смерть Потемкина не отразилась на его придворной карьере.

СТИХИ, НОСИВШИЕСЯ В НАРОДЕ НА СЛУЧАЙ СМЕРТИ ПОТЕМКИНА

Век щастливо прожив, Потемкин князь скончался,
Роскошествуя жил и дельности чуждался,
Век умницею жил, но был ли он таков —
Судить лишь могут то Фалеев и Попов,
Другие ж от него так — да, да нет слышали;
Иные только рост, походку его знали;
В нем чести, правоты не виделось следа,
Властолюбив и горд, надменен был всегда.
Незнающей был вождь. Непобедимо войско
Доставило ему название Геройско.
Везде он крал казну, себя обогащая,
Пол женской развращал, богатством обольщая.
Его уж нет! — Забудем — престанем говорить
Дадим наследникам простор имене делить.

С. С. Шереметевъ. Видъ на садъ и часть дома въ деревнѣ Шереметевыхъ. Рисунокъ архитектора А. М. Мухоморова. 1883 г.

„ОСОБЛИВОЙ ПРОШПЕКТЪ ДОМУ И ЧАСТИ САДА СЕЛА КУСКОВА, ПРЕДСТАВЛЕННОГО НАПОЛНОЧЬ, ПРИНАДЛЕЖАЩЕГО ЕГО СЯТЕЛЬНОМУ ГРАФУ ПЕТРУ БОРИСОВИЧУ ШЕРЕМЕТЕВУ“. А. ДОМЪ В. АБЕЛИСКЪ МАРМОРОВОЙ. С. КУРТИНЫ.
 Рисунокъ селней изъ альбома крепостного архитектора А. Миронова (1783 г.).
 Русский Музей, Ленинградъ

Повидимому к Потемкину относится двестише, помещенное в одном рукописном сборнике конца XVIII в. непосредственно перед Державинским «Водопадом».

ЕПИТАФИЯ

Прохожий! помоли всевышнего творца,
Что сей не разорил России до конца ¹⁶.

Во времена Екатерины выбор царицею (а иногда и для царицы) любовника был делом «государственной важности». Вокруг кандидатур в любовники шла борьба придворных партий, посланники иностранных дворов отмечали в своих реляциях перипетии этой борьбы и т. д. «Фавор» Потемкина был во многих отношениях поворотным пунктом в истории политики Екатерининского правительства. Этот поворот не добром вспоминали многие в тех дворянских кругах, которые мирились раньше с фавором Орлова и Васильчикова (сменившего Орлова в 1772 г. и уступившего свое место Потемкину в 1774 г.). Об этом именно и идет речь в приводимом ниже стихотворении. Оно построено на каламбурном использовании фамилии фаворитов. В первых двух стихах имеется в виду Г. Г. Орлов (орел), отстраненный от дел Потемкиным (в потемках). В ст. 3 (васильки)—А. С. Васильчиков (1740—1804). В ст. 4 «Заводу слава конь»—конечно П. В. Завадовский. В ст. 5 и 7 «Заря»—конечно С. Г. Зорич (1745—1799).

Когда кончился непосредственный «фавор» Потемкина, он уступил свое место П. В. Завадовскому. Однако вскоре Потемкину понадобился «свой» человек, чтобы заменить Завадовского, неугодного «светлейшему». Таким человеком оказался Зорич. Летом 1777 г. он стал официальным любовником Екатерины. Тогда Зорич попытался освободиться от зависимости от своего протектора Потемкина. Потемкин расправился с непокорным, и Зорич менее, чем через год после начала его «случая», в мае 1778 г., был удален от двора (он уехал за границу, а потом поселился в своем «замке» в Шклове). Именно о столкновении Зорича с Потемкиным и о победе последнего идет речь во второй половине нашего стихотворения, относящегося следовательно к 1778 г.

ЕПИГРАММА

В дни ясные Орел всем птицам был глава
В потемках же Орел как мокрая сова;
В потемках Васильки быть кажутся крапива,
Заводу слава конь, то кляча спотыклива.
Во время вечера Заря на Оризонт
Являет вид багрян, и отдается в Понте,
Там птички запоют, хваля ¹⁷ Зари восход;
Но только темнота покроет неба свод,
Заря утхнет вдруг, природа замолчит:
Устав так положон, покорствовать велит ¹⁸.

IV

С фантастической карьерой Григория Александровича Потемкина была связана и более скромная карьера его родственника Павла Сергеевича Потемкина (1743—1796).

В 1796 г., через четыре с половиной года после смерти «светлейшего», Павел Потемкин умер при несколько странных обстоятельствах. Дело в том, что еще за 10 лет до этого, когда Павел Потемкин был кавказским наместником, произошла нашумевшая в свое время трагическая

С. Г. ЗОРИЧ

Гравированный портрет работы А. Осипова
Государственный Эрмитаж, Ленинград

история Гилянского или Рештского хана Гедаэта, полунезависимого персидского владетеля. Гедаэт боролся с Ага-Магометом, объединившим под своей властью Персидские ханства; Ага-Магомет взял Энзели, где засел Гедаэт; предварительно Ага договорился с Тумановским, бывшим русским консулом в Энзели; что тот за 70 тысяч рублей поможет ему захватить Гедаэта, выдаст его. Гедаэт, спасаясь от Аги, послал на русский фрегат, стоявший на рейде, свои богатства, а потом и сам поехал в лодке к фрегату. Он уже и раньше заявлял о своем желании принять русское подданство, хотя всячески вредил русским интересам у себя в ханстве. Богатства, доставленные на русский фрегат из Энзели, были велики: здесь было 5 пудов 10 фунтов драгоценных камней и золота, 262½ пуда золота в слитках, 300 тысяч червонцев, несколько бриллиантовых перьев, 4 тысячи дорогих конских уборов, кинжалы, сабли, ковры и т. п., в общем по тогдашнему счету на 10 миллионов рублей. Тума-

новский, по уговору с действительным русским консулом Скиличи, не пустил Гедаэта на фрегат и выдал его «другому его непримиримому врагу, Ала-Верды, беку Тальшинскому. Бек застрелил Гедаэта и, отрезав ему ухо, бросил труп в море. Семья убитого силой взобралась на фрегат, но, несмотря на ее мольбы о защите, беглецов выдали Ага-Магомету, который получил потом и все огромные богатства своего врага. Тумановскому за его подлый поступок не досталось от Ага-Магомета ничего, и он месяца через два умер. Скиличи был осужден на каторгу, но только спустя 10 лет»¹⁹.

И вот через несколько лет после смерти Гедаэта в столичном обществе стали ходить слухи, что в убийстве его был сильно замешан родственник «светлейшего» Павел Потемкин и что он получил в «добычу» после убийства несметное богатство Гедаэта. Слухи соответствовали ненависти к Потемкиным в среде столичного дворянства; тень злобы, вызванной Григорием, падала и на Павла. В 1793 г. И. В. Гудович, сановник, враждебно настроенный по отношению к Потемкиным (Григорий Потемкин уже умер в это время), возбудил следствие по делу об убийстве Гедаэта и нашел себе союзников в лице Зубовых²⁰.

В 1794 г. Павел Потемкин участвовал еще в польской войне и получил за нее графский титул (1 янв. 1795 г.), но к концу 1795 г. стало ясно, что он будет притянут к делу.

Вообще говоря, Павел Потемкин не был чист. Креатура Григория Потемкина, он делал карьеру при нем не только потому, что умел сам «угодить милостивцу», но и потому, что не противился проявлениям любви «светлейшего» к его жене Прасковье Андреевне (ур. Закревской), женщине очень красивой.

Павел Потемкин был писателем, поэтом, драматургом. Он написал три драмы в стихах: «Россы в Архипелаге» (1772), «Торжество Дружбы» (1773) и «Зельмира и Смелон или взятие Измаила» (1795)²¹, несколько больших и малых произведений в стихах, перевел «Магомета» Вольтера и несколько вещей Руссо. Видимо это был вполне образованный человек.

Когда дело дошло до обвинения Павла Потемкина в убийстве Гедаэта, в декабре 1795 г., он написал обширное стихотворение «Глас Невинности», в котором защищал себя от этого обвинения, апеллируя к своей долгой службе, призывая и живых (Румянцев, Суворов), и мертвых (Г. А. Потемкин) в свидетели безупречности своих гражданских добродетелей, наконец обращался к Екатерине с просьбой защитить его от клеветы.

«...Твой суд поставленный, что прав я, то откроет,
Но сердце от клевет терзается и ноет...
Не мщенья за зло в невинности прошу,
Молю, чтоб публику известь из заблужденья,
От непорочности отторгнуть поношенья...»

«Глас Невинности» опубликован был в «Русском Архиве» в 1880 г.²², потом перепечатан в «Русской Поэзии» С. А. Венгерова²³. Он встречается в рукописной традиции во множестве списков; распространение его было велико, и сам Потемкин постарался обеспечить это распространение. Он послал списки «Гласа Невинности» целому ряду лиц в Москве, где он сам был в это время, в том числе М. М. Измайлову,

главнокомандующему Москвы. Измайлов препроводил полученные им при письме от П. Потемкина стихи в Петербург генерал-прокурору Самойлову, прибавляя: «Я слышу здесь, что он [т. е. Потемкин] намерен их послать в Петербург; я остерегаюсь, чтобы не прежде меня дошли до государыни» (письмо от 13 дек. 1795 г.). Самойлов, получив от Измайлова «Глас Невинности», передал стихи Платону Зубову для императрицы (ответ Самойлова от 28 дек. 1795 г.)²⁴.

«Глас Невинности» вызвал отклики в «публике». Ненавидевшая самое имя Потемкина дворянская интеллигенция воспользовалась случаем выразить свою ненависть. Появились рукописные возражения на «Глас Невинности». Болотов сообщает: «говорили, что было их три: одно сочинено Державиным и умеренно, а оба другие ужасно едки и дерзки»²⁵. Относительно Державина Болотов ошибался. Он не написал никакого ответа Потемкину. Повидимому ему было приписано чужое стихотворение, как это бывало и в других случаях (см. ниже). Между тем в январе 1796 г. П. Потемкин был отдан под суд, а 7 апреля он умер. Немедленно возникли слухи, что он покончил с собой, может быть даже по приказу Екатерины. Насколько основательны были эти слухи (приказ Екатерины конечно не более, чем сплетня), сказать трудно. Что же касается судебного дела о Потемкине, то оно было ведено, возможно, ради придворной интриги, с целью «погубить» соперника²⁶.

Один из ответов на «Глас Невинности» был опубликован в «Русском Архиве» вместе с стихотворением П. Потемкина; здесь анонимный поэт пишет между прочим:

Живых и мертвых вызываешь
 В свидетели своим делам;
 Но верь мне, худо успеваешь:
 Дай лучше, дай увидеть нам,
 Где, с кем, когда и как был в деле,
 Как правил вверенной страной.
 В войне лежал ты на постеле
 И шел в чины своей женой.
 Ведь ты не первый — не стыдился!
 Поверь мне, в наши времена,
 Для многих выслуга жена,
 Особенно во время оно,
 Когда Таврическая ночь
 Брала к себе на страстно лоно
 Сестру, племянницу²⁷ иль дочь.
 Без дел в чинах, в крестах без веры,
 Без чести — честь тому дана,
 И сильные руки примеры
 Не дивны в наши времена.
 А стратотерпица Прасковья²⁸
 Не из последних тож была,
 И дай бог только ей здоровья,
 Она в нем добрый клад нашла
 Себе и миленькому мужу.
 И так, благодаря красе,
 Ее терпенью, что наружу

Выходит то, что знают все.
 Да это делалось побочно
 И к жалобе твоей нейдет,
 Ты не в претензии: так точно,
 Пускай кто хочет, так и врет.
 А ты все граф и граф по моде;
 Кто смеет спрашивать, за что?
 Не ты в своем последний роде,
 А именной ²⁹ все скрасил то.
 Все дело в том: тебя в убийстве
 И грабеже преступным чтут.
 Ты ищешь помощи в витийстве,
 Чтоб отвратить народный суд
 • И хочешь, чтобы персианец,
 Как русский с рук тебе сошел.
 Блудлив как кот, труслив как заяц...
 Стихи раскаянья соплел.
 Так наши пишут, знай, вельможи:
 Прежалко, дельно, мастерски.
 Когда б народный глас был божий,
 Давно б взять надо за виски
 Тебя и всех тебе подобных,
 Потребовать отчет в делах!
 Пусть суд корыстолюбивых ³⁰, злыхных
 Другим вельможам будет страх;
 Пусть беззаслужные потомки
 Лишатся предков похвалы.
 Не засияют нам потемки ³¹
 Своим достоинством из мглы.
 Тогда б вельможей мы имели,
 Тюреней, Монтескье; но ах!
 Умы подобные не смели
 Возникнуть в наших временах... и т. д.

Это сильное стихотворение, написанное без сомнения не дилетантом-поэтом, отчетливо выражает недовольство дворянской интеллигенции режимом, связывавшимся с деятельностью князя Тавриды, ненависть к кучке временщиков.

Наоборот, ряд представителей растущей буржуазно-купеческой мысли, с неприязнью относившихся к наиболее независимым слоям помещичьего класса, в частности к помещичьей оппозиции, готов был блокироваться с властью Потемкиных и Зубовых. Оппозиционно-дворянское общественное мнение осудило Павла Потемкина. На его защиту стал поэт совершенно иного круга, Александр Иванович Клушин (1763—1804), поэт, прозаик, драматург, активнейший сотрудник Крыловского «Зрителя» и сотоварищ Крылова по изданию СПб Меркурия». В то время, к которому относится вся история обвинений, суда и смерти П. Потемкина, Клушин жил у своего брата в Орле.

Список его «Ответа сочинителю Гласа Невинности» сохранился среди бумаг Державина (Публ. Библ. в Ленинграде, т. 22 — тот же, в котором и стихотворение Державина о Грибовском ³²). Вот он:

ОТВЕТ
К СОЧИНИТЕЛЮ «ГЛАСА НЕВИННОСТИ»

И так суждение злых умов
Геройску душу поражает!
И так средь лавров и венцов
На лоне мира он стонает!
Герой! не узнаю тебя.
Кто истинно велик душою,
Хоть громы видит над главою,
Хотя близ бездны зрит себя,
Хоть молния вокруг сверкает,
Своей твердыни не теряет.

Известно, что такое свет:
Чем боле зрит он дарований,
Великость духа, пылкость знаний,
Тем боле против вопиет;
Как змий шипящий, ядовитый,
Извившись тайно меж цветов,
Льет яд на души знамениты
И умышляет адский ков;

КРЕСТЬЯНСКИЙ ОБЕД
Картина М. Шибанова (1774 г.)
Третьяковская Галерея, Москва

Лиет и не щадит Сократа,
 И сей светильник божества
 Во славе, в блеске торжества
 На жертву злобного сената
 Безмолвно дух свой предает.
 Но истинна блеснув зарницей
 Гремела пред его убийцей *,
 Что он невинно яд пьет.
 Невинно — и душа святая,
 Как тихий кроткий солнца луч,
 Превыше сферы возлетая
 Превыше громов, молний, туч,
 Богов вкушает награжденье;—
 Сократа нет—Сократу храм,
 Как богу — жертвоприношение,
 Как добродетели — фимиам.

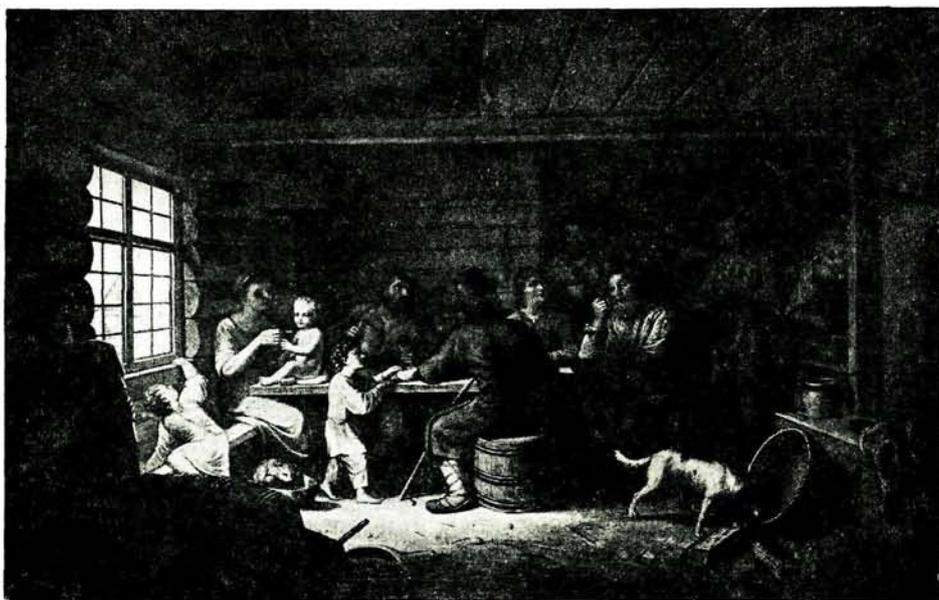
Народны плески, обоженье—³³
 Награда пышна за труды:
 Огромное — песчано зданье,
 Иль волны — прибылой воды.
 Секунда — их сооружает,
 Секунда в пепел превращает.
 Как хочет будь велик Герой,
 Фортуна с ним на час простилась, —
 Его огромность развалилась —
 И он народной стал игрой.

Таков был пышный Рим, Афины; —
 Неблагодарный Карфаген
 Не чтит того заслуг седины,
 Кем был как громом огражден;
 И Аннибал победоносный —
 Се идет против Римских сил —
 Едва не смертию поносной
 Гоним, дух жизни испустил **.
 Земля и кости вопияли
 Противу сограждан его,
 И во отмщенье за него
 Изменники сердца терзали.
 Когда как молнией он жег ³⁶
 Победоносну Римску силу,
 И Риму нес в руках могилу,
 Тогда для Карфаген был — бог.
 Но чуть меч грозный утомился;
 И луч души его затмился.

Таков был, есть, и будет свет!
 Как щедро лаврами венчает,
 Так скоро их с главы срывает,

* Мелит — ложный доноситель на Сократа. — Автор.

** По разорении Сципионом ³⁴ Карфагены Аннибал скитался из убежища в убежище и наконец, умирая у Прузия, Коронского ³⁵ царя, сказал: Неблагодарное отечество! Ты и костей моих у себя не увидишь. — Автор.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ОБЕД
Картина маслом Я. Метценлейтера (1786 г.)
Русский Музей, Ленинград

И прочной похвалы — в нем нет.
Как вихрь народна мысль мешает;
То ныне редким называет,
Что завтра гнусно для нее:
Подобно юному дитяти
Кричит и кстати и не кстати, —
И вот первейша цель ее.

Блажен, кто в похвалах умерен,
Кто их умеет различить!
Кто в сердце и душе уверен,
Что стоит он хвалимым быть,
Кто слушая людские толкй
Был сам так светел, как луна;
Насмешки презрит, речи колки,
Страмца, злословца, шалуна.
Что публика? — обширно тело;
Глупец и мудрый — равно член:
Безумной порицает смело,
Но скромной мудрой удален.
Представишь темной лес дремучей,
Над коим пали небеса,
В котором все животны кучей
Кричат в различны голоса;
Кокуют глупы в нем какушки,
Вралихи крякают лягушки:
Но тихой милой соловей
Своей гармонией священной,

Иль песнь поет Творцу вселенной,
 Иль стансы Душеньке своей,
 Спокоен сердцем и душой
 Во веки никого не тронет,
 От счастья других не стонет;
 Сей лес — обширный круг людей!
 И так укору, поношенья
 И душ безумных клеветы
 Не есть всеобщее заключение:
 О чем же ропщешь, стонешь ты?
 Нельзя быть перед светом правым!
 Будь добр — порочный твой злодей:
 Будь низким, злобным и лукавым —
 Тогда восстанет — друг людей.

Позволь себе еще сказать:
 Суд божий — суд Екатерины.
 Страшись порок пред ним предстать.
 Иль тот кто шел чрез стен стремнины ³⁷,
 Кто с пламенным мечем в руках
 Сарматам, Порте всеял страх ³⁸;
 Кто в грозном образе Гирея ³⁹
 Смирил крилатого злодея,
 И в цепь кремнисту заключил *,
 Возможноль чтобы ⁴¹ слезы лил?
 Тот мил, кто в торжестве блистает:
 Но тот есть истинный Герой,
 Которой как звезда сверкает
 И в самой темноте ночной.

Соч. Клушина живущего в городе Орле.

Это стихотворение, начало которого напоминает мотив из оды Горация (книга III, ода 3), написано в другом тоне, чем предыдущее. Поэтическая манера авторов обеих пьес разная. Клушин — усердный подражатель Державина; заметно у него и влияние сентиментализма. Замысел стихотворения — прославление идеального гражданина в духе индивидуалистической концепции стойкого борца за личное достоинство. Можно предположить, что Клушин не знал лично Потемкина и что выступление его имело только принципиальный характер.

В связи со смертью Павла Потемкина стоят также два двустишия, помещенные в одном рукописном томе вслед за «Гласом Невинности» (они не могут относиться к Григорию Потемкину, так как он умер князем, а во втором из них говорится о графе Потемкине; первое же является как бы вариантом второго):

1

О Волков, Волков! ты бессмертный человек;
 Тобой на силу лишь Потемкин кончил век.

2

Сносил Потемкин все, сносил как человек;
 Но Волков лишь завыл, граф тотчас кончил век ⁴².

* Разумеются усмиренные Горцы по горам ⁴⁰. — Автор.

Намек, заключенный в этих двустихиях, не вполне ясен. Вероятнее всего, здесь имеется в виду начало судебного дела о П. Потемкине. Волков — вероятно генерал Вас. Бор. Волков (1743—1813), генерал-аудитор военной коллегии, т. е. главный начальник над военными судами.

V

Преемником Потемкина в роли бесконтрольного властителя государственной машины, временщика и главного Екатерининского опричника был Платон Зубов. На него с тем большим основанием была перенесена ненависть всех недовольных, что он не обладал ни культурой, ни размахом, ни умением импонировать, свойственными Потемкину. Платон Зубов потянул за собой к власти, богатствам, чинам свою родню.

Пока была жива Екатерина, все принуждены были терпеть молча сатрапские замашки новоиспеченных князя и графов. При Павле Зубовы потеряли значение. Но после убийства Павла (11 марта 1801 г.), в котором они принимали непосредственное участие (именно Николай Зубов повидимому нанес первый удар Павлу), они подняли голову. Однако им не удалось вновь оказаться у власти.

Вскоре после вступления на престол Александра I произошел следующий случай, о котором читаем в письме И. В. Страхова к А. Р. Воронцову в ноябре (?) 1801 г.⁴³:

«Пишут ко мне из Петербурга от 31 октября следующими словами: «случился чудный анекдот. Граф Н. А. Зубов, возвращаясь из Москвы, за 70 верст отсюда приехал на ночлег в такую деревню и в такой еще крестьянский дом, где прежде его остановились ехавшие из Москвы Сенатские I-го департамента канцелярские служители. Сии последние крепким покоились сном, когда граф туда приехал и стал проситься на ночлег; медление, с каким отворили ему ворота, произвело в нем неудовольствие и для того приказал он людям своим выбить окна, а приказные, вообразя в просонках, что происходило в доме их нападение не от добрых людей, начали ругаться. А напоследок, чтоб короче вам сказать, граф сильно вошел в избу и заставил людей своих сих путешественников сечь в езжалые кнутья, так больно отпотчивал, что на некоторых из них и по сие время имеются синины, и как все те приказные состоят в обер-офицерских чинах и амбиция не допустила их остаться без сатисфакции, то вчера они принесли о том жалобу Александру Андреевичу (т. е. Беклешову, генерал-прокурору.—Гр. Г.), который посылал от себя к Зубову обер-прокурора для отобрания сведения о сем приключении, и сказывают, что намерен доложить государю, а сегодня по Москве носится слух, что будто граф Зубов и отставлен».

История эта произошла повидимому во время возвращения двора и правительства из Москвы после коронации Александра I. Дикое самодурство брата бывшего фаворита вызвало отклик в подпольной литературе. Вот стишки, написанные по данному поводу:

Как Зубов Николай с Москвы в Питер⁴⁴ мчался,
То слух его буянства⁴⁵ сюда тотчас добрался,
Что ночью он в яму⁴⁶ сенатским сделал плач!
Невинных пересек нагайкой как палач!
Поступок таковой буяна кавалера
Достоин ли хвалы стихоткача Гомера?

Никак! — хотя и князь!⁴⁷
 Останется всегда сиятельная грязь;
 Хотяб имел притом название Нерона. —
 Великий чин в худых делах не оборона.

Кто-то из Зубовского окружения ответил на это стихами же:

ОТВЕТ

Пусть Зубовым в пути писак почтенных свита
 Немножко как-нибудь нагайкою побита,
 Пусть Зубов был палач, обидчик и буян,
 Понеже в их глазах он показался пьян;
 Но Зубова ругать толь подлыми стихами,
 Рифмач знать не дошел, что Зубов-то с зубами.
 О! как же жаль тебя, мой бедненький рифмач!
 Как перцу зададут, тогда, мой друг, не плачь,
 Пороки ты ругай, хоть прозой, хоть стихами,
 Но явно не шути большими именами,
 Буяном может ли какой назваться князь!
 Равно как золото во всем не будет грязь,
 Хотя б ты дар в стихах имел и Ювенала,
 Но ревность здесь твоя, брат, очень неудала,
 Сатиры сочинять большого нет греха,
 Но на лицо писать, так бойся треуха.
 И так, любезный мой, отсель поберегися,
 И правил таковых разумно придержиися.

На «Ответ» последовал новый ответ; в нем опять спор от Николая Зубова, графа, сбивается на «главного» Зубова — князя Платона.

НАДПИСЬ

Знать доброй человек, что так порок ругает!
 Но жаль, что он свое тут имя сокрывает!
 Учился⁴⁸ таковыми спасительными стезями,
 Не поленился бы притти и Зубов сам, —
 Чтоб делать научил ты золото из грязи,
 И из свиньи за труд ты превратился в князи,
 Скажи, любезный мой, хоть как тебя зовут.
 Ты скромнен? — прячешься; — поверь, мой друг — найдут⁴⁹.

VI

В «верхних» слоях общества и в частности дворянства недовольство режимом искало выражения в нападках на фаворитов, на главарей правительства, на «сильных» людей. Те, кто не имел дела с правительством лично, испытывали на себе тяжесть полицейско-бюрократического режима иначе, в лице низовых чиновников, в маленьком масштабе повторявших грабеж, притеснения, самоуправства, осуществлявшиеся «наверху» Потемкиными и Зубовыми.

В рукописных сборниках сохранилось много стихотворений, заключающих жалобы на гнет чиновников, на взятки, на неправосудие суда и т. д. Мы приведем здесь только два стихотворения для примера. Следует оговорить, что точно датировать их трудно. Возможно, что они написаны и немного позднее конца XVIII в. — в первые годы XIX в. Первое из них направлено против низовой «гражданской» администрации.

„ЛЮБОВНА, ДАИ ОБРОК“

Сатирическая картина XVIII века работы неизвестного художника
Русский Музей, Ленинград

САТИРИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ НА ИСПРАВНИКОВ
НА ГОЛОС «ВДРУГ С ПОЛНОЧИ» И ПР.

Вдруг под вечер сани зашумели,
 Колокольчики на дугах [за]звенели;
 Едут, едут свищут,
 Десятского ищут, —
 Где тут десятской квартиру нам отвел?
 Знать что в деревню приехал исправник
 Мирские нужды и свои исправить;
 Понятые свищут,
 Сотского ищут, —
 Где живет сотской и выборной?
 Не успел сотской с выборным одеться,
 А исправник идет в избу греться,
 Он так осердился,
 Точно как взбесился,
 Бряк его в рожу: отворяй ворота!
 Выборной с сотским смело ободрились,
 Вынувши деньги, низко поклонились;
 Красную бумажку
 Положили в кармашку;
 Дайте и писарю что-нибудь.
 Вошед в избу, сказал это слово:
 Эй, хозяйка, все ль у тебя готово?
 Дело все на грядку
 Яичницу в смятку,
 Дайте подводы—нам ехать пора⁵⁰.

Второе стихотворение «Секретарь» имеет в виду определенное лицо — военного чиновника, управляющего канцелярией гвардейского полка. Вверху списка его, которым мы пользовались⁵¹ (справа), сделана карандашом помета «На Ляпунова». Вероятно здесь имеется в виду Сем. Ефим. Ляпунов, штабс-капитан л.-гв. артиллерийского батальона⁵²; если это так и если помета на списке верна,—это определяет и ту воинскую часть, о которой идёт речь в стихотворении.

Если приведенная только что сатирическая песня возникла не в дворянской среде, то стихотворение «Секретарь» носит следы взглядов дворянина, держащегося за свои привилегии, в частности настаивающего на монопольном праве дворянства на офицерские чины (нарушавшемся Потемкиным для его креатур и определенно сформулированным Павлом I в 1798 г.⁵³). Видимо, это—стихи, возникшие в среде мелкого офицерства, маломощных дворян, не имеющих «связей» в высших сферах и целиком отданных во власть военного бюрократа, «владеющего умом начальников». Хорей первых стихов пьесы легко сбивается на силлабический стих или даже просто на рифмованную прозу (типа раешника); автор очевидно не обладал литературным образованием.

В стихотворении «Секретарь» изображены не только самоуправства и наживные операции полкового бюрократа-капитана, но и грабительство полковников (в конце). О нравах и хозяйственном быте русской

армии конца XVIII в. и в частности о роли в ней полковых командиров говорится в статье «Солдатские стихи XVIII века» в этом же томе «Литературного Наследства». Эта статья может служить комментарием и к данному стихотворению.

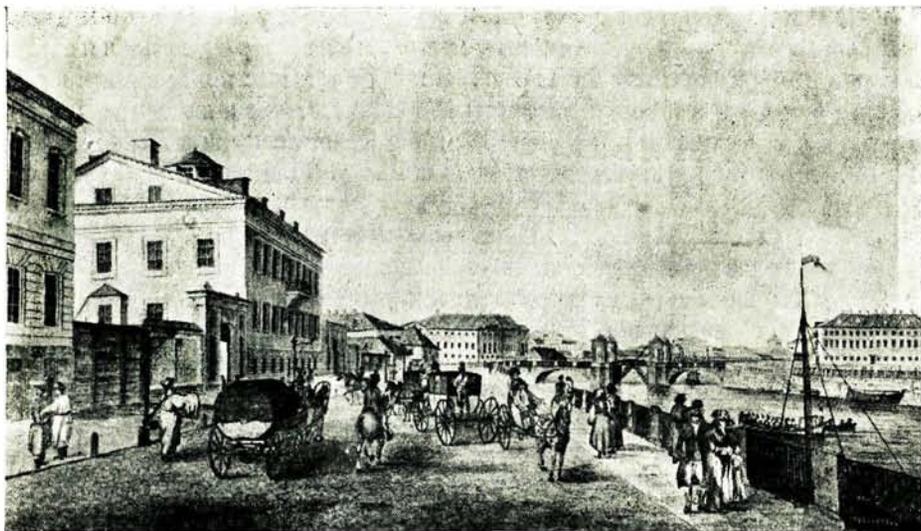
СЕКРЕТАРЬ

Было некогда в полку
 У Введенья в уголку
 Иль в Семеновской то части,
 Но не сильной только власти —
 Возвеличен капитан
 Существенной болван.
 Умом начальников владея,
 Представлял Назарейского Иудея
 И бывши в роде сем велик
 Казал полку грозный лик;
 Для богатых имел ласку,
 А для бедного хитру маску;
 Ни о чем не воображая
 И карманы нагружая,
 Тем только благовторил,
 Кто ево щедро дарил.
 Он строго ценсурил послужные списки,
 Кои к производству были близки;
 Год убавить, пять прибавить,
 Переправить, поскоблить,
 Кому нужно угодить —
 Рук творенья его дело;
 Он на все пускался смело!
 Чьи рубли к нему попались,
 Те старшими считались,
 И отверсты тем пути
 В отставку иль в армию итти.
 Хоть сельской будь Иван,
 А за деньги — капитан;
 Не имея в деньгах спора,
 Получает чин Майора;
 Не нужна о предках справка,
 Буде сверхъ торгу прибавка;
 Купец или Мещанин, —
 А за деньги дворянин
 И может слыть природной,
 Екипаж иметь подобной;
 Не мода вить на свете
 Блестит сидя в карете,
 А денежки золотые!
 О милые, драгие!
 О бедной дворянин
 Всегда секретарю не мил!
 С доказательством дворянства
 Оставался для нарядства,

Усердно службу продолжая
 И надеждою себя питая,
 Но кляня тот век и время,
 В которо родилось мздоимства семя,
 А длинные начальников ушки
 Наполнили секретарские мешки;
 Ныне всех он презирает
 И так себе мечтает:
 Теперь брошу молоток
 И аукционной чинам торжок;
 Я умножил так чинов,
 Как в рынке сапогов,
 А достану себе конной полк
 И буду меж овцами волк;
 Будут главным меня чтить
 И не посмеют мне претить;
 Из солдатской аммуниции
 Уделю себе частицы;
 Из муки и провианту
 Также вычту по таланту,
 А лошади и фураж
 Умножат мой багаж;
 Экономия, запас
 Весь будет у нас.
 По полковничей я мочи
 Закрою офицерам очи,
 Будут немые все без глаз
 В Конном корпусе у нас.
 О начальники начальств!
 Бude чувства есть у вас,
 То проснитесь хоть на час
 И посудите бедных нас;
 Нашей участью владеет
 Тигр и василиск
 В пиршествах ваших не слышан
 Утесняемых крик, визг;
 Дворянин к двору привержен,
 А служить верностью за честь,
 Службу окупать подвержен
 Бude денежки в кармане есть.

VII

Государственной организацией, включившейся в общую систему политического аппарата власти, была и церковь. Она вызывала поэтому нарекания недовольных в меру их «вольномыслия». Идеи западноевропейских, в частности французских, философов и публицистов «просветительного» направления имели во второй половине XVIII в. широкое хождение не только в дворянских кругах. Деистическое мировоззрение находило многочисленных адептов, и если атеизм не проникал глубоко даже в среду интеллигенции, по преимуществу дворянской, то оппозиционным элементом ее было свойственно недоброжелательное отношение

НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ УЛИЦЕ (НАБЕРЕЖНАЯ РЕКИ ФОНТАНКИ У СЕМЕНОВСКОГО МОСТА)

Акварель Иосифа Неарт'а (1790 г.)

Русский Музей, Ленинград

к официальной церковности и ее представителям. Вопрос о монашестве и о земном благополучии монахов стоял особенно остро в XVIII в. Большое значение в этом отношении имела секуляризация монастырских поместий, произведенная Екатериной. Монашество как оплот фанатизма, как изуверское насилие над «естественным законом» и в то же время как прикрытие вовсе не идеальных стремлений монахов-корыстолюбцев подвергалось нападкам, правда прикровенным, и в печатной литературе. Против монашеских обетов как института выступил еще в 1758 г. Херасков в своей трагедии «Венецианская Монахиня»; он же развернул ту же тему в нравоучительном романе «Нума или процветающий Рим» (1768). В первом случае цензурное положение спасалось тем, что речь в пьесе шла о католическом монашестве, а во втором — о весталках, под которыми разумелись русские монахини. Все же Херасков предпочел издать книгу анонимно (и прикрыть ее сверх того добавлением — похвалами Екатерине II).

Общей постановкой вопроса о монашестве заканчивается и приводимая ниже сатира на высшее духовенство. Заглавие ее и имена собеседников (сатира построена диалогически, кроме заключения) указывают, что в ней дан якобы разговор двух женщины, и притом не монахинь, — знаменитой Марфы, посадницы новгородской, и некоей мещанки Ириньи. Однако эти имена даны лишь для отвода глаз; очевидно страх полицейского вмешательства распространялся и на рукописную литературу. Впрочем «цензурные» имена и заглавие не могли бы никого обмануть: в стихотворении дан диалог двух епископов; они рукополагают на священство (стих 69—70), они называют себя «владыками» (ст. 74), они прямо говорят о себе, что они «епископы без жен» (ст. 81; епископ по правилу должен быть монахом). Изображение епископского быта, данное в сатире, — весьма неуважительное. В заключении же поэт предлагает вообще забрать всех монахов в солдаты. Вот текст сатиры:

Старинная пословица, кто о чем думает, тому то и грезится, в доказательство чего представляется слышанный некоторым приходским священником во сновидении разговор Марфы, посадницы новгородской, с Ириньей, псковскою мещанкою, которой происходил следующим образом.

Марфа

Скажи, Иринья, мне судьбы небесной волю
 Какую нам дала она на свете долю?
 Ты видишь, нам дана в делах духовных власть
 Тож неотказана во всех телесных сласть,
 Хотя имеем мы и черную одежду;
 Но напротив во всех хотениях надежду.
 Мы лутчее все пьем, приятное едим
 Покоимся и спим, притом и в рай летим,
 Душами грешными по воле управляем
 И вяжем оные, или же разрешаем.
 Ты видя власть сию конечно не молчи,
 Что нам одним даны от райских врат ключи;
 Гремил учением, чтоб к нам все прибегали
 И помочи от нас к спасению искали.

Иринья

О Марфа, Марфа, ты достойная святыни!
 Какие в старину живали лишь в пустыни,
 От мира отреклись, и славились постом,
 Питались травой, водой, а не вином,
 Имели худость риз, другие ж без одежды
 И достигали тем спасения надежды.
 Тож страсти все они старались утолить,
 Чтоб райской жизни им всегда достойным быть.
 Пустынной жизни план уж ныне пременялся.
 Наместо же его, другой совсем явился.
 Не должно ль нам теперь один с другим сравнять
 И с доказательством народу дать понять?
 Теперь я вашего о том прошу совету,
 Где взять мне доводы, чтоб доказать то свету?

Марфа

То доказательство весьма найти легко,
 И доводы о том искать недалеко:
 Старинный (sic!) народ не знал совсем латыни.
 То удалялся он в дремучие пустыни,
 Чтоб простоту свою с незнанием сокрыть
 И строгой жизни род собою всем открыть,
 Не зная доводов, имели больше веры.
 Не все же жили так, тож были лицемеры;
 Но ныне мы уже, латынью просветясь
 И в теологию до дна ее пустясь,
 Мы можем доказать и то, что непонятно,
 И невозможное мы сделаем всем внятно
 Не чудом делаем теперь на свете мы?
 Что силлогизмами всех спутали умы.

И р и н ь я

Я мыслей ваших в том, конечно и держуся
 И в жизни с нужными предметами дружуся;
 Препятствия мне нет, то все употреблять,
 Что посылает нам небесна благодать,
 Хотя предместники иначе поступали
 И похвалу себе найти в том уповали;
 Но мы такую жизнь отвержем точно тем,
 И все то к древности невежества причтем;
 Когда же в нас теперь вкоренены науки
 И мы избавились непросвещенной скуки,
 То можем ныне жить, как светски господа
 По щастью к нам дошла такая ж череда;
 Мы ездим шестерней, в том наша и святыня;
 К чему ж для нас нужна лесистая пустыня?

М а р ф а

Ты правду всю, мой свет Иринья, говоришь
 И ревностью своей всех наших прав горишь,
 Что нашей властью повсюду всех встречаем,
 Посты и праздники по воле назначаем
 Не есть ли подлинно безмерная нам честь,
 Что мы определим когда и что поесть?
 Мы браки всех людей претим и попускаем,
 Ослушников же нам мы адом устрашаем,
 За погребение по сотнице берем,

НАБЕРЕЖНАЯ РЕКИ ФОНТАНКИ В ПЕТЕРБУРГЕ
 Картина маслом Б. Патерсена (1798 г.)
 Русский Музей, Ленинград

Хотя и сами мы, как протчие, умрем.
 Тож за поминки нам великие доходы,
 Каких на свете дать не могут все приходы,
 Нам стоит на кого лишь руку наложить,
 Тот будет хоть простяк, попом уже служить.
 Такое ремесло казну нам умножает,
 А чернь за ето нас почти уж обожает,
 Все ищут с жадностью креста от наших рук,
 Повсюду о святых владыках идет звук,
 Помоями от рук лечат глаза и лица;
 На что же нам теперь небесная столица?
 Со удовольствием мы на земли живем,
 И заживо уже святыми все слышем.

И р и н ь я

Я верю, точно все, и чту то чудесами,
 Пускай останется такая власть меж нами,
 Хоть мы в противность книг епископы без жен,
 Но и без них наш век спокоен и блажен.
 Когда ж потребует натура непременно,
 Мы можем то сыскать, притом весьма смиренно,
 Нельзя чрез черный цвет природы пременить,
 На что же пустотой себя и бременить?
 Мы созданы совсем как прочи человеки;
 Natura действует с начала и вовеки;
 Мы следуя сему порядок тот ведем,
 Что находясь с людьми, подобно им живем.
 Пускай мы кажемся и горды всем и дики,
 Но должно знать, что мы святые уж владыки.

М а р ф а

Хотя мы на святых нимало не походим,
 Что пышно ездим мы, а не пешком уж бродим
 И вместо ветхих риз нас греют уж куницы,
 На место же пещер прекрасные светлицы,
 Келейников толпа, и шайка поваров
 И каждый завсегда к услугам нам готов,
 Но святость древняя сего не разумела,
 И пищу чтоб достать, трудилась и потела.
 У старых постников обед был очень тощ,
 А мы едим всегда прекрасный жирный борщ,
 Не воду, но вино мы пьем, притом шампанско
 И следовательно ведем житье боярско,
 Притом же почести нам светские даны,
 То не страшимся мы нимало сатаны,
 Которой в древности, хоть делал беспокойство,
 Но ныне строгое во граде сем устройство
 Препятствует до нас приблизиться духам,
 И так осталось, как хочется жить нам,
 Мы щастие свое навеки прославляем,
 Народ же парой рук всегда благословляем.

Духовной человек от сна лишь только встал
 И слышанное им, сколь помнит, записал;
 Теперь кто хочет знать, написанное чтите,
 И черных надобность попов вы разберите,
 В шесть дней бог сотворил весь видимый сей свет
 Между же твари сей, ни одного монаха нет,
 Откуда же чернцы на свете сем взялися
 И в тягость обществу повсюду развелися?
 В них нужды не было, и ныне такоже нет,
 О том из опытов довольно знает свет,
 Нужнее обществу военные в них люди,
 А не ленивые монашеские жлуди;
 Но чтобы не были нам страшны супостаты,
 Не лутчель поместить монахов всех в солдаты?
 Хоть мира отреклись, но к обществу любовь
 Должна в них возбудить подобная нам кровь;
 Мирская суета пускай им неприятна;
 Но к обществу любовь всем будет очень внятна;
 Тогда-то подлинно уверится весь мир,
 Что чин монашеской есть не пустой кумир⁵⁴.

VIII

Дворянская оппозиция правящей верхушке, состоявшей из придворных, выскочек, бюрократов и богачей, не была конечно ни в какой мере революционным движением. Здесь боролись группы внутри одного класса. Вопрос шел в сущности о методе дележа добычи; происхождение самой добычи было аналогично в программе и тех и других—эксплоатация крестьянина. Впрочем формы эксплуатации и вообще формы зависимости крестьянина от помещика понимались обеими группами разное.

Революционные позиции могли занимать в то время только те группы и те люди, для которых проблема политики заключалась в устранении крепостничества. Таково, с одной стороны, было стихийное мироощущение самого крестьянства, давшее Пугачевщину, таковы же, с другой стороны, были идеи небольшой группы мыслителей, ориентированных на идеологию радикальной буржуазии европейского Запада, идеи, наивысшее выражение получившие в творчестве Радищева.

С именем Радищева должно быть так или иначе связано произведение, во многих отношениях замечательное, которым мы закончим первый отдел настоящей публикации. Оно заслуживало бы подробного исследования и разбора; условия места и общий план публикации принуждают нас ограничиться лишь несколькими общими замечаниями.

Речь идет о стихотворении «Древность». Это — довольно пространная ода (170 стихов), которую теоретики XVIII в. отнесли бы к жанру философических од типа знаменитой «Ode à la Fortune» Ж.-Б. Руссо; стихотворения этого жанра нередко бывали посвящаемы темам политического, общественного, публицистического характера. К этому же жанру относится и ода «Вольность» Радищева.

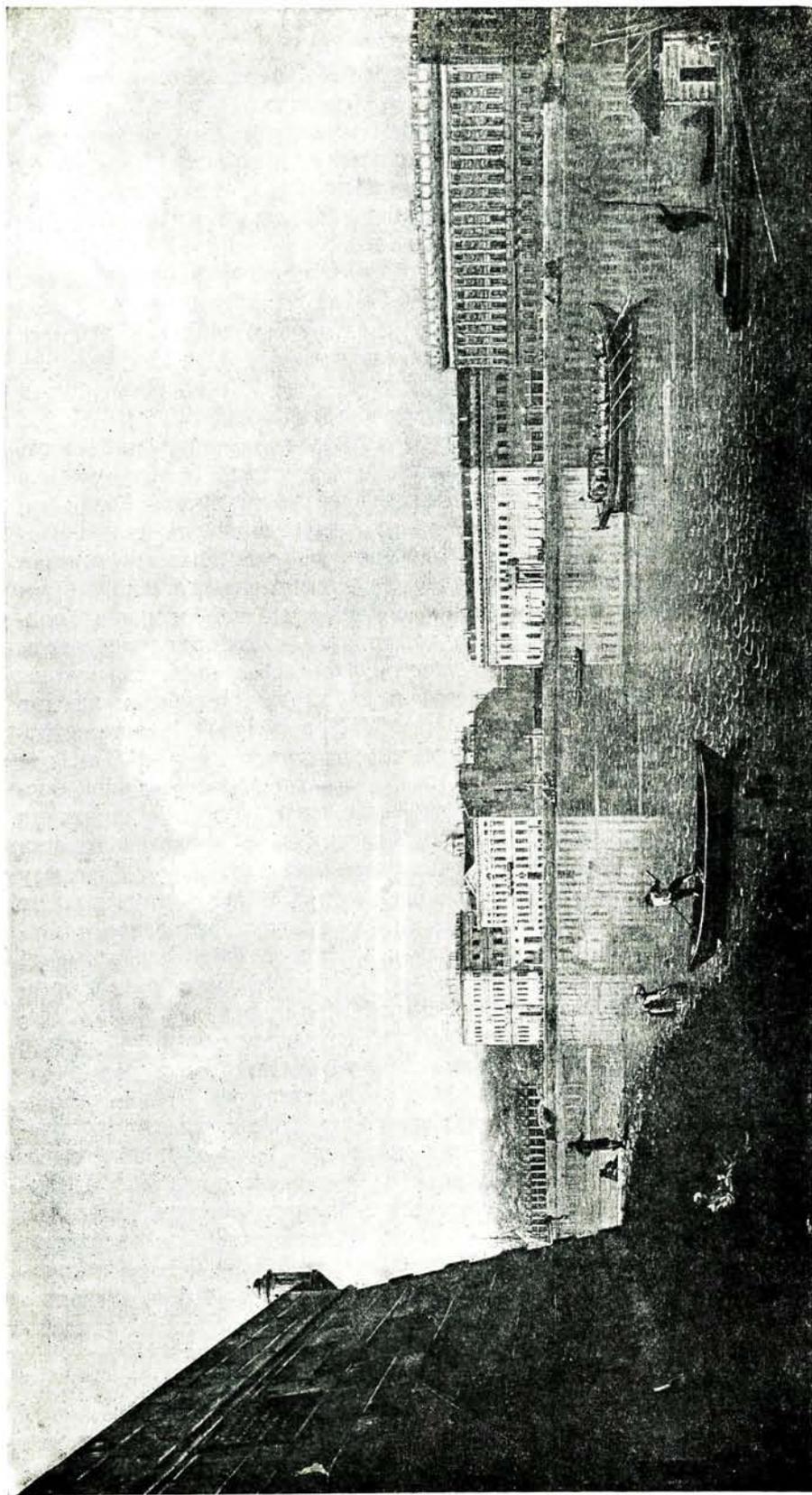
Ода «Древность» извлечена нами из рукописного сборника, хранящегося в Публичной Библиотеке в Ленинграде, составление которого относится к 1797—1801 гг.⁵⁵ Документы и художественные произведения, собранные в нем, расположены в общем довольно последовательно в по-

рядке хронологии этих годов. Повидимому сборник составлялся постепенно, путем вписывания в него произведений, появлявшихся в рукописной традиции в это время. Сборник представляет собой второй том целой серии рукописных книг из четырех томов. Все томы составлены таким же образом; I том охватывает произведения времени царствования Екатерины, III и IV томы — произведения первых лет царствования Александра I. «Древность» помещена в сборнике (во II томе) между произведениями, относящимися к 1798 г. Мы можем следовательно предположить, что это стихотворение стало известно к 1798 г.; написано оно, видимо, около этого же времени, скорее всего около 1796—1797 гг., не ранее 1793 г., так как в нем говорится о «падшей Польше», т. е. о последнем «разделе» ее в 1794—1795 гг. или во всяком случае о втором разделе в 1793 г. Именно этот мотив оды заставляет относить ее ко времени, непосредственно примыкающему к эпохе раздела Польши. В сборнике ода «Древность» приписана Державину: в конце ее другой рукой помечено «Соч. Державина», конечно без всяких оснований. Ни стиль, ни идеи оды совершенно не вяжутся с обликом Державина. Достаточно указать на полонофильские мотивы оды «Древность», немислимые у автора оды на взятие Варшавы. Кроме того в оде «Древность» с похвалой говорится о самом Державине (строфа 7), при чем он поставлен рядом с идеологами революционной буржуазии — Франклином и Рейналем. Об авторстве Державина в отношении данного стихотворения не может быть и речи. Приписание же его Державину не может удивить уже потому, что вообще в это время стихотворения, имевшие окраску общественной тематики и публицистики, охотно приписывались в подпольной традиции Державину, без сомнения самому знаменитому тогда и самому популярному поэту, в самом деле выступавшему с филиппиками против сильных мира и в «Вельможе», и в других стихотворениях. Именно эти его публицистические мотивы, его поза независимого певца, судьи общественных деятелей, говорящего царям и их приспешникам правду, дала возможность Державину приобрести в кругах оппозиционного дворянства репутацию смелого обличителя правительствующих пороков. Однако другие современники, и тоже не без основания, упрекали Державина в лести «случайным» людям.

Основной комплекс идей, на которых построена ода «Древность», — это соединение историзма с рационалистически-отвлеченной оценкой исторических явлений. Автор ее ищет ответа на социальные вопросы в истории, но критерий его — «разум просвещенный». Автор стоит на мировоззрительных позициях французской буржуазно-радикальной мысли к моменту революции. Но он отличается например от Кондорсе пессимистической нотой, явственно звучащей во всем стихотворении. Это пессимизм разочарования в революции, надломленности надежд, пессимизм грядущего романтизма.

Автор «Древности» решительно восстает против знати; он прославляет свободу и ее провозвестников. Он смело высказывает осуждение разорителям и «покорителям» Польши. Стихотворение имеет характер сильного выступления против официальных взглядов и официального пути страны и культуры. Это — глубокое философское размышление, ставящее самые общие проблемы социальной жизни, гражданской морали и т. п.

Стиль, художественная манера стихотворения необычайно характерны, своеобразны. Это — не стиль любого среднего поэта эпохи; это — стиль,

ВИД ДВОРЦОВОЙ НАБЕРЕЖНОЙ В ПЕТЕРБУРГЕ

Картина маслом Ф. Алексеева (1790 г.)

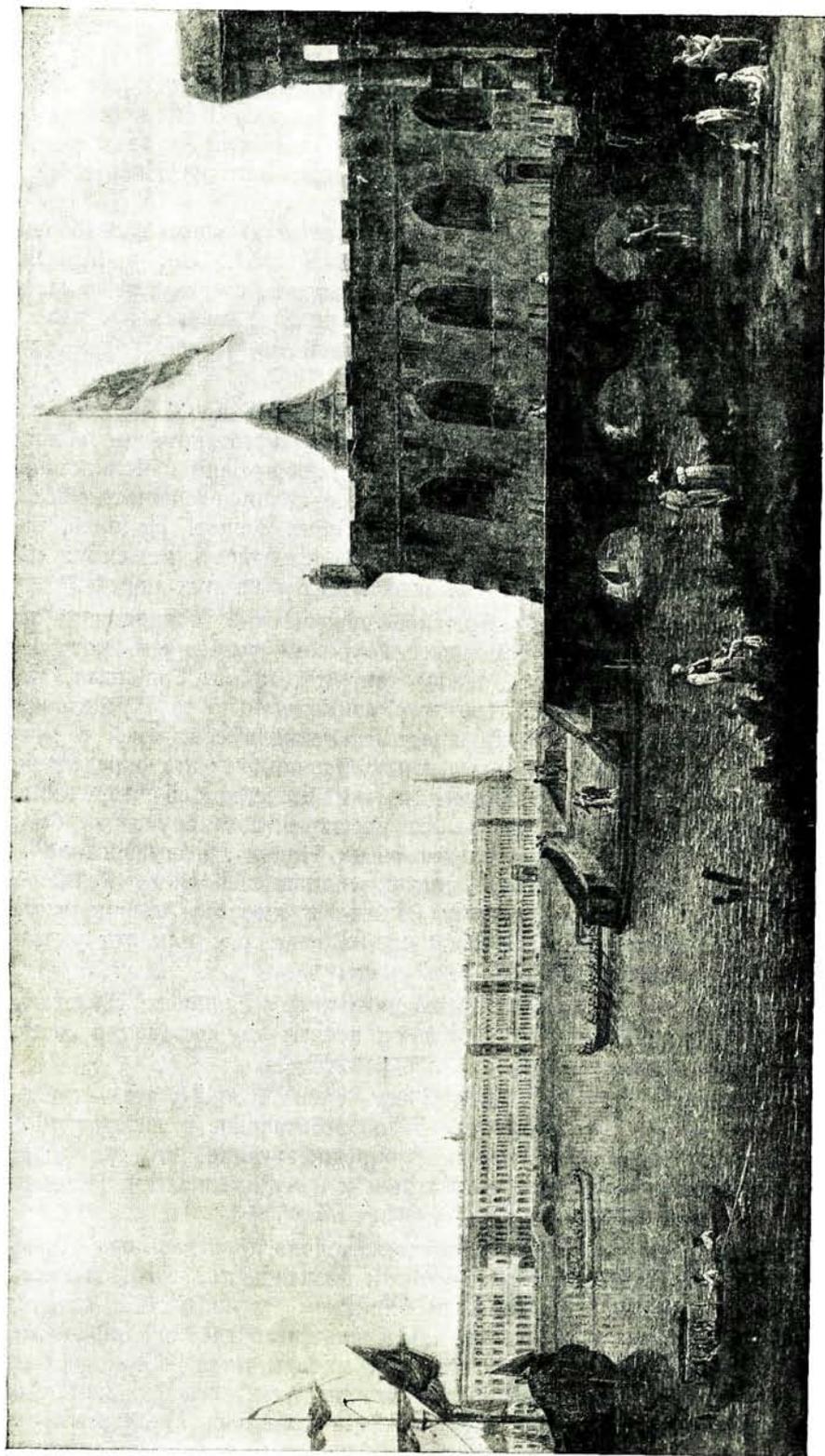
Третьяковская Галерея, Москва

отмеченный яркой печатью индивидуального мастерства определенного поэта. В общем стиль оды «Древность» можно характеризовать как преромантический. Самая манера трактовать космические темы, самые способы изображения «полета времен» напоминают искусство Клопштока. Рядом с именем немецкого поэта следует поставить имена Юнга и Оссиана, влияние которых (или вернее влияние традиций которых) также заметно в оде.

Крайняя запутанность синтаксиса, вообще тяжеловесность конструкции, обилие научных элементов, терминов в языке, необычайное богатство составных частей словаря (иностранные научные термины, местные слова, славянизмы, индивидуальные неологизмы), вообще на редкость необычного, характерны для слога автора оды «Древность». Самый размер ее (шестистопный хорей) необычен для оды конца XVIII в.

Кто автор оды «Древность»? Без сомнения это незаурядный поэт, мастер, идущий самостоятельным путем в искусстве. Позволяем себе высказать предположение, что ода вышла из «мастерской» Радищева, т. е. автором ее является или сам Радищев, или кто-нибудь из его ближайших учеников (последнее предположение делается главным образом ради осторожности). К сожалению и это существенное положение мы не можем по условиям места раскрыть в настоящей публикации с достаточной полнотой. Укажем лишь на то, что все указанные выше черты идейного состава и стиля оды «Древность» в высшей степени характерны именно для Радищевского творчества и не характерны более ни для одного из известных нам поэтов конца XVIII в. Именно Радищев, раскрывая в своих произведениях (и в частности стихотворениях — см. ода «Вольность», «XVIII столетие» и др.) мировоззрение революционной буржуазии Запада, связывал его и с глубоким историческим взглядом на вещи (при рационалистическом методе мысли), и с космогоническими метафизическими концепциями (см. «Творение мира»). Именно Радищеву была свойственна та независимость политической мысли, которая видна в оде «Древность», и именно он подошел к рубежу двух веков с пессимистическим выводом. Именно Радищев, может быть единственный поэт конца XVIII в. (даже если помнить о Карамзине), в такой мере органически воспринял поэтическую культуру Клопштока и поэтов его школы. Влияние Оссиана также сильно в его поэтическом творчестве («Песни древние» и др.). Уже позднее развивается дарование Востокова, также связанного с этими традициями (и являющегося отчасти учеником самого Радищева). В то же время из всех поэтов, вплоть до пушкинской эпохи, кроме Радищева только лишь Востоков писал стихи слогом, сколько-нибудь напоминающим характерный стиль оды «Древность». Однако Востоков не является повидимому автором этой оды; в его рукописях она не сохранилась, да и самостоятельное творчество его, как было сказано только что, относится ко времени несколько позднейшему; первые его произведения относятся лишь к 1798 г., характер же законченного мастерства его творчество приобретает лишь в последующие годы⁵⁶.

Между тем стилистический рисунок оды «Древность», ее лексика, ее синтаксис, весь характер ее поэтического языка явственно напоминают манеру Радищева-поэта. Даже своеобразие размера стиха оды может быть сопоставлено с фактами теоретических и практических метрических исканий Радищева, в частности с его тенденцией бороться с за-

ВИД ПЕТЕРБУРГА С ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ
Картина маслом Ф. Алексеева (1790-е гг.)
Русский Музей, Ленинград

сильем ямба в поэзии (ср. например главу «Тверь» в «Путешествии из Петербурга в Москву»).

То же следует сказать о тех политических радикальных взглядах и о вольнодумном отношении к «польскому вопросу», которые выражены в оде «Древность». Радищев—наиболее вероятный, даже единственный повидимому поэт эпохи, с творчеством которого мы можем сблизить их.

Характерны и некоторые детали. В оде (строфа 7) упомянуты борцы за свободу, люди, перед которыми склоняется поэт. Это, во-первых, Франклин, один из вождей освобожденной Америки, свергнувшей власть Англии, вызывавший внимание и восторг Радищева; именно прославление американской революции послужило одной из основных тем оды «Вольность».

В оде «Древность» сказано: «Франклин, преломивший скиптр Британский». В «Путешествии из Петербурга в Москву» (в «Слове о Ломоносове») говорится о надписи под изображением Франклина, поставленного Радищевым выше Ломоносова, о надписи «наилестнейшей, которую человек низ изображения своего зреть может. Надпись, начертанная не ласкательством, но истинною дерзающею на силу: «Сесторгнувший гром с небеси и скиптр из рук царей».

Во-вторых, это — Рейналь, писатель, существенно повлиявший на Радищева, к которому он относился с глубоким уважением, которого упоминал и в «Путешествии». Между тем кто, кроме Радищева, так увлекался Рейналем в России? При этом примечательно то определение, которое дано Рейналю в оде «Древность»: «Рейналь с хартией в руке гражданской как оракул вольных стран». Повидимому это определение может быть объяснено лишь представлением о Рейнале, как об авторе книги «*Révolution de l'Amérique*». Эта книга уж во всяком случае не была известна в России так, как «История обеих Индий», и выдвигание ее на первый план по сравнению с книгой, составившей славу Рейналю, может быть понятно только лишь у Радищева, именно «Американскую революцию» использовавшего в своей оде «Вольность», как это указал авторитетный исследователь⁵⁷.

Наконец,—это Державин. Об отношении к нему Радищева свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что он послал ему экземпляр своего «Путешествия».

Еще одна деталь: в строфе 2-й оды есть слово «сопки»; это — сибирское слово, в XVIII в. повидимому неупотребительное в литературном русском языке. Естественно возникает предположение, что это слово вывезено из Сибири человеком, привыкшим к нему именно там; Радищев в 1797 г. приехал из Сибири.

Итак, я повторяю, что можно предположительно приписать оду «Древность» Радищеву. Не исключена конечно и возможность, что ее написал человек, находившийся под сильным влиянием Радищева; но следует заметить, что наиболее заметный его последователь в идейной плоскости, Пнин, по существу своей художественной манеры ни в малой мере не может быть даже предполагаемым автором оды, так же как сын Радищева Николай. О других менее значительных представителях кружка также нет оснований думать, чтобы они могли написать такое произведение.

ДРЕВНОСТЬ

1

Древность, ты, которой мирна мышца
Усыпила ранни племена,
Зрящая в скрижали летописца,
Пишущая славных имена!
Ты, что связку венчиков * имея,
В думе ждешь царей у мавзолея,
Успокоив персть⁵⁸ отцев моих,
Повели моей дрожащей трости⁵⁹
Прежде чем мои починют кости,
Свиток положить у ног твоих.

2

Соглядая веки обмертвелы,
Над которыми туман повис,
И юдоли древних запустелы,
По которым вырос кипарис,
Мнится, вижу вдоль сея трещобы
Праотцев расписанные гробы,
Мнится, что на всех гробах резец
Начертал девиз их просвещенья,
Врезал истины и заблужденья
Поздному потомству в образец.

3

Но почто против сего уроку⁶⁰
Памятников истины бежим?
По какому горестному року
Подле памятников лжи стоим?
Как бы мним⁶¹, что гении усопши
Пустьят луч сквозь гробы мхом заросши,
Между тем как зрим пиры одни.
Тщетно-тщетно ждем небесной силы,
Тщетно ждем лучей вокруг могилы,
Где блудящи лишь горят огни.

4

Слабый смертный! сколь потребно мало,
Чтоб занять власть над твоим умом,
Если заблуждения⁶² зеркало
Древним⁶³ вокруг очернено жезлом:
Стоит, чтоб оракулом явиться,
Лишь на персях древности родиться.
Разве гений истины слетал
На сосцы вселенной тот лишь термин,
В коем разум, первенец Минервин,
В сирой колыбели почивал?

5

Нет — и ныне истинна над миром
Всходит как бы из-за облаков.

* Венчики называются бумажки, полагаемые на лбы умерших.— Автор.

Естлиж ложь, кадяща пред кумиром,
 Не сгущает над умом паров:
 Для чего ж среди сего тумана
 Сильной разум, пад на истукана,
 С олтаря не опрокинет персть?
 Должноль, чтоб одни его скрижали
 Мание Сатурна презирали,
 Естли все его чтит грозный перст?

6

Должноль, чтоб отцев ⁶⁴ столпотворенья
 Скрывши темя в сумраке небес,
 И вися над бездной заблужденья,
 На истлевшей вазе древних грез,
 Уцелели до всеобща труса,
 Естли сферы терпят тяжесть бруса,
 Коим время их браздит в пески,
 Естли солнце сыплется комками
 И с янтарных стен уже местами
 Крошатся огнистые куски *.

7

Древность мавзолеей свой украшая,
 Лишь над нами упражняет гнев,
 И осьмнадцатый век удушая,
 Высечет лишь новый барельеф.
 Франклин, преломивши скиптр Британской,
 Рейналь с хартией в руке гражданской,
 Как оракул вольныя страны,
 И мурза в чалме, певец Астреи ⁶⁵,
 Под венком ⁶⁶ дубовым, в гривне с шеи
 Будут у тебя иссечены.

8

Но кака там тень среди тумана
 Стелет по Карпатским остриям?
 Темной профиль исполинска стана
 В светлой Висле льется по струям.
 Сбиты локоны по плечам веют,
 А по ризе пятна сплошь багреют,
 С рама обнаженный меч висит,
 На руках лежат с короной ⁶⁷ стрелы,
 На главе орел гнездится белый ⁶⁸;
 Это падшей Польши ⁶⁹ тень парит.

9

Все стремится к древности суровой;
 Царства почему обиты в тис,
 Опираясь ⁷⁰ об скиптр свинцовой,
 Сходят с зыблющихся тронов вниз,
 И преклоншися с ⁷¹ гербом Руины,

* С одной стороны северные явления, падающие из солнечной системы, а с другой пятна, в солнце усматриваемые, делают понятною сию фразу. — Автор.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ В МОСКВЕ

Картина маслом Ф. Гильфердинга

Русский Музей, Ленинград

Временам ⁷² дают свои судьбины,
 Все к кивоту древности падет.
 Лишь святых душ лучезарны мощи,
 Как в пещерах фосфоры средь нощи,
 В раках не померкнут в род и род.

10

Все падет — так чтож надменный ⁷³
 Смертный предваряет потрясать
 Обветшалые столпы вселенны
 И перуном землю колебать?
 Должноль царства превращать в могилы,
 Чтоб гигантам свесить толщу силы
 И исследовать порыв рамен?
 Разве нет ему твердыней ⁷⁴,
 Разве нет в отечестве пустыней,
 Где бы меч его был изощрен? —

11

Эх! ⁷⁵ почайте, грозны Марса други,
 В просеках лавровых вдоль лесов!
 Облеченны в панцырь и кольчуги,
 Мчитесь вы против каких врагов!
 Эх! почайте лучше, бранны ходы
 Двиньте на стихии злой природы;
 От потопа нас сдержи порой;
 В трусе на зыбях сдержи руины,
 В сопках пламенны залей пучины,
 И тогда речем, что ты Герой.

12

Вы ль дымящиеся Чингис-Ханы
 Нам поведайте свои дела?

Ах! не вы ль, как пышущи вулканы,
 Изрыгали жупел на поля?
 Пламя с дымом било в верх клубами,
 Рдяна лава пенилась валами;
 Ныне ж? — вы потушли под землей.
 Ныне, мню, над вашими гробами
 Красны заревы стоят столбами;
 Древность! с именем их прах развей! —

13

Прах развей! — но буде кость злодеев
 Не умякнет под земным пластом,
 Будто ⁷⁶ прах под грузом мавзолеев
 Не смесится с илом и песком?
 Праздны черепы, сии избытки,
 Мать-земля расплавит в новы слитки;
 Внутрь ее зияли, где погряз
 Геркулан со знамям и щитами,
 Лиссабон ⁷⁷ с хоругвью и крестами,
 Плавится людей оседших связь.

14

Мнится, что миры людей дремучи,
 Кои прилегли к земной груди ⁷⁸,
 С спящих мышц стряхнут надгробны кучи,
 И в чреду проснутся на трубы;
 Так как мир, кой оюнев днесь паки
 Предкам зиждет по кладбищам раки,
 Может быть из-под сырых холмов
 Воспрянул, чтоб лечь в земной утробе;
 Так не все ль мы в раздвижном сем гробе
 Переводим с древних дух веков?

15

Ктож присвоит право первородства?
 Ты, остаток древния резьбы,
 Сын наследственного благородства,
 Тщетно режешь старые гербы,
 Тщетно в славе предков ищешь тени,
 Кроясь как бы под безлиственны клены;
 Прадедов увядшие дела
 И дипломы, ими заслуженны,
 Как сухи листы с дерев стрясенны
 Не украсят твоего чела.

16

Пусть тебе природа даровала
 В люльке князя, графа имена,
 Пусть звезда с верху на грудь упала,
 Разметав по плечам ордена;
 Но поверь, что яркой сей феномен
 Для твоих достоинств вероломен,
 Все сии насечки вмиг спадут.

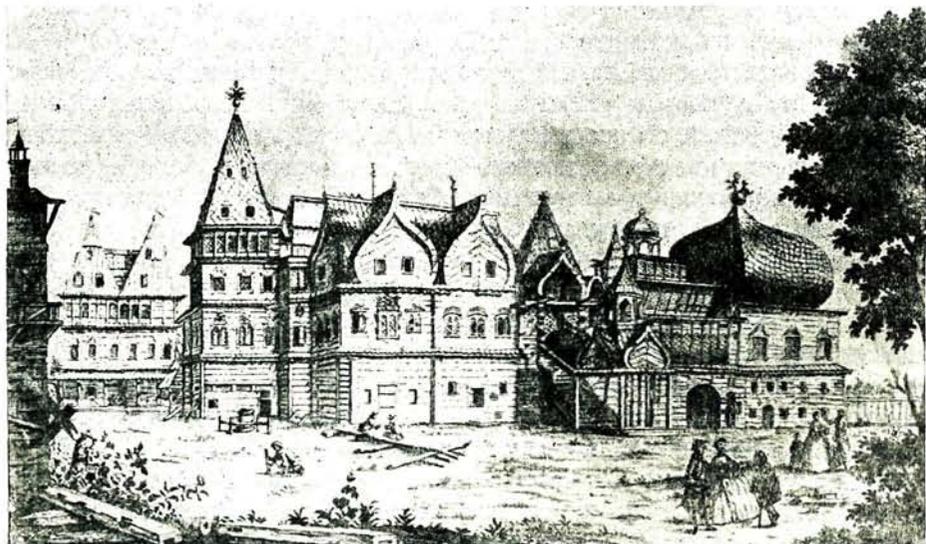
И гремящие без дел титулы,
 Так же, как наследной славы гулы,
 До горы потомства не дойдут.

17

Знай — один лишь разум просвещенный
 В поздних переломится веках!
 Хоть над жизнью гениев почтенных
 Тучи расстилались в облаках,
 Тучи град и дождь на них лиющи,
 Но по смерти их, над темной кущи⁷⁹,
 Над которой буря пролилась,
 Мирна радуга для них явилась,
 Половиной в древность наклонилась,
 А другой в потомстве оперлась.

IX

Политические события, разразившиеся в конце 1780-х годов во Франции, вселили величайшую тревогу в сердца европейских монархов и в умы их подданных. Революционный гром, потрясший пышное здание Французского королевства, отозвался и в России. Перед лицом неожиданно выросшей опасности буржуазного наступления на твердыни самодержавно-крепостнического строя русское правительство во главе с Екатериной II немедленно же приступило к искоренению отечественного «вольномыслия». На рубеже последнего десятилетия XVIII в. Россия вступила в эпоху жесточайшей реакции, в области литературы нашедшей свое выражение в запрещении трагедии Княжнина «Вадим» (1789), в судебных процессах Радищева (1790) и Новикова (1792) и в ликвидации вольных типографий (1796). Главную роль при дворе в эту пору играет Платон Зубов — реакционер чистой воды, заявивший себя реши-

КОЛОМЕНСКИЙ ДВОРЕЦ

Рисунок карандашом Ф. Гильфердинга (1790-е гг.)
 Государственный Эрмитаж, Ленинград

тельным противником французской просветительной философии и литературы, идеи которых столь долгое время служили к упрочению либеральной репутации «Северной Семирамиды». После ссылки Радищева и разгрома мартинистов русское дворянское «вольнодумие» было загнано в подполье, но не уничтожено: в предыдущих главах приведен материал, свидетельствующий о проявлениях радикальной идеологии в условиях подпольного существования.

Но несмотря на торжество реакции и изменение политической ориентации правительства, весь прежний декорум великолепной дворянской империи сохранился в полной мере и продолжал служить отличным средством организации религиозно-морального сознания и социально-культурного быта землевладельческого класса. Еще не отзвучал «гром побед славного российского оружия» (в 1794 г. Суворов штурмовал Прагу) и «храбрый росс» имел возможность «веселиться» по многим и самым разнообразным поводам.

Внезапная смерть Екатерины II и воцарение Павла I исключительно болезненно переживались русским дворянством. Пятница 7 ноября 1796 г. была для него поистине «черной пятницей». «Российское солнце погасло! Екатерина Великая во гробе, душою в небесах! Павел Первый воцарился. Никто не ожидал сей внезапной перемены. Кроткое и славное Екатеринино царствование, тридцать четыре года продолжавшееся, так усыпило, что, казалось, оно, как бы какому благому и бессмертному божеству порученное, никогда не кончится. Страшная весть о смерти ее, не предупрежденная никакою угрожающею опасностью, вдруг разнеслася и поразила сперва столицу, а потом и всю обширную Россию»⁸⁰.

Достоинно замечания, что автор этих строк—адмирал А. С. Шишков,—выражающий крайнее сожаление по поводу смерти Екатерины, в высшей степени сдержанно отзывается о новом монархе. Еще более показательным в этом плане то, что самый факт вступления Павла на престол как бы замалчивался в дворянской литературе, столь падкой на прославление новых монархов. Конечно и Павла I приветствовали пышными одами, но, во-первых, их появилось в 1796 г. сравнительно немного, а во-вторых, приветственные голоса были заглушены самыми откровенными изъявлениями печали о «золотых днях» Екатерининского царствования. Для характеристики общих для дворянской среды настроений достаточно привести несколько строк, появившихся в одном из наиболее распространенных журналов того времени: «Светило, которое, облистывая благонамеренными мыслями, уяснило разум россов и образовало даже грубые нравы многих диких народов, зашло для нас навек! Мрак печали распростерся и стон раздался повсюду...»⁸¹. Так дворянская Россия приветствовала нового самодержца. Не имеет смысла множить примеры, но можно было бы привести не мало данных, свидетельствующих о крайней сдержанности, с какою было встречено в дворянской среде воцарение Павла. Мемуарная и эпистолярная литература конца 90-х годов дает для этого богатый материал.

Отношение к Павлу I в придворной, гвардейской и бюрократической среде слагалось под непосредственным влиянием Екатерины II и ее фаворитов, всячески унижавших личное достоинство цесаревича и подрывавших его авторитет наследника престола. Павел, замкнувшийся в своем гатчинском уединении, издавна воспринимался в этой среде как грубый и «бешеный» человек, нелюбимый матерью и сам ненавидя-

щий не только ее, но и все плоды ее деятельности и всех окружавших ее людей. Кроме того широкое распространение в близких ко двору кругах имели слухи о заготовленном якобы указе, в силу которого Павел отстранялся от наследования престола, предназначенного Екатериной своему любимому внуку Александру. Все это разумеется нашло отражение в событиях, наступивших после смерти Екатерины. Павел, в свою очередь, не склонен был предать забвению ни малейшей из нанесенных ему обид, и это обстоятельство еще более усугубляло остроту положения: с воцарением Павла высший слой служилого дворянства не ждал для себя ничего хорошего.

В политике Павла I конфликт между самодержавием—диктатурой крепостников и «самовластием», в определенные моменты осуществлявшим политику невыгодную этим крепостникам, проявился весьма резко. Павел серьезно верил в свое мессианское призвание стать обновителем русского государства на началах ничем не ограниченной самодержавной власти. Идея абсолютизма лежала в основе всех его мероприятий. Он усердно трудился над созданием особого представления о самодержце как заместителе бога на земле. Для него был мал и тускл блеск императорской короны, он первый из русских государей объявил себя главою православной церкви и самовластно присвоил себе право входить в алтарь через «царские врата». А титул Великого гроссмейстера Ордена Иоанна Иерусалимского со всеми присущими ему атрибутами подлинно рыцарского романтизма был ему дороже титула российского самодержца. Он, ставивший авторитет и непререкаемость монарха на недостижимую высоту, резко оборвал политику ласкового внимания по отношению к окружавшему его трон дворянству,—политику, к которой дворянство привыкло за все предшествующие царствования. Он отрицал за «екатериниными орлами»—могущественными вельможами и избалованными гвардейцами—минимальное право на величие. «В России только тот велик, сударь, с кем я говорю и пока я с ним говорю»—эта эффектная фраза Павла, сказанная им шведскому послу Стедингу, отлично характеризует его политические мероприятия в деле обуздания дворянской придворно-гвардейской «вольницы».

Еще будучи наследником престола, Павел писал, что Россия «зачинает приходить в некоторую слабость, которую, как ее самую, так и ее следствия, предупредить должно, дабы все здание, или весь корпус не рушился, как ослабевшее от многих припадков тело, для чего и должно тело исцелить». И он «целил» Россию, целил по-своему, по-гатчински,—жестоко и неумело. Он считал себя царем-преобразователем и любил сопоставлять свое имя с именем Петра I, что и подчеркнул лапидарным текстом на воздвигнутом перед Михайловским замком памятнике Петру: «Прадеду—правнуку». «Исцелить» в понимании Павла значило преобразовать, и он строил поистине грандиозные планы преобразования всей России.

И действительно, буквально в первый же день своего царствования, Павел не только круто повернул руль государственного управления, но и резко пожелал изменить самый дворянский быт, подчинив его строжайшему регламенту и посягнув в своем самовластии даже на частную жизнь дворянина. А. С. Шишков засвидетельствовал, что с воцарением Павла «в один час все так переменялось, что, казалось, настал иной век, иная жизнь, иное бытие». Наступила действительно новая

эпоха, которую современники называли «где и как требовалось: торжественно и громогласно—возрождением; в приятельской беседе, осторожно, вполголоса—царством власти, силы и страха; втайне между четырех глаз—затмением свыше»⁸².

Более чем двадцать лет Павел I мирился с Екатерининскими порядками, которые ненавидел всем сердцем, но искоренять которые имел возможность только у себя в Гатчине, на малом «опытном» поле. Естественно, что, вступив на престол, он немедленно же принялся искоренять их и по всей России, но прежде всего в Петербурге. «Весь государственный и правовой порядок был перевернут вверх дном; все пружины государственной машины были поломаны и сдвинуты с мест; все перепуталось» (А. М. Тургенев). В своем желании уничтожить «екатерининский дух» Павел переделывал наоборот все сделанное до него. Случайно он осуществил при этом несколько мероприятий, которые доставили бы громкую славу другому монарху: освободил Костюшку и других польских пленников, вернул из ссылки Радищева, выпустил из Шлиссельбургского каземата Новикова. Но репутация тирана так плотно пристала к Павлу, что даже эти либеральные жесты не принимались современниками в расчет.

Первые реформы Павла коснулись армии, которой он стремился дать прочную организацию по прусскому образцу, по рецепту Фридриха II. Нельзя сказать, что реформа русской армии, предпринятая Павлом, вовсе не имела никакого смысла. Она имела очевидный смысл, но, как и все остальные его предприятия, заранее была обречена на неудачу. Русская армия (а особенно гвардия), прославившая себя громкими победами под начальством Суворова и Румянцева, в последние годы царствования Екатерины II находилась в состоянии почти полного разложения. «Монархия у нас была милостивая и к дворянству благорасположенная, — пишет А. Т. Болотов, — а господа гвардейские подполковники и майоры делали, что хотели; но не только они, но даже самые гвардейские секретари были превеликие люди и жаловали кого хотели за деньги. Словом, гвардейская служба составляла сущую кукольную комедию»⁸³. Известно, что при Екатерине не столько служили, сколько «записывались» в службу; «через деньги и разные происки» дворяне записывали в привилегированные гвардейские полки не только детей, но и грудных младенцев и даже еще вовсе не родившихся, в паспортах которых оставлялось пустое место для имени будущего «сержанта» или «унтер-офицера». Гвардейские кадры неимоверно разбухли, дисциплина (особенно среди младшего офицерства) падала, изнеженные столичные «гвардионцы» совершенно не занимались строевой службой и изучением военных наук.

Павел I, по словам Болотова, «пробудил всех гвардейцев из прежнего их дремания и сна, неги и лени», он вызвал к месту службы всех числившихся по полковым спискам, и это распоряжение вызвало форменную панику в дворянских провинциальных гнездах: отцы повезли в Петербург на императорский смотр пятилетних «сержантов», — затруднительнее было положение тех из них, у кого «сержанты» были еще в проекте.

Павел заставил «гвардионцев» служить и ввел суровую строевую муштру, отдав командный состав на выучку «гатчинскому капралу» Аракчееву, самым бесцеремонным образом смиравшему высокомерие и

дворянскую гордыню «Екатерининых орлов». В первый же день своего царствования Павел разверстал гатчинские батальоны по гвардейским полкам и сместил почти всех старых начальников, заменив их своими «гатчинцами». Этим Павел нанес обиду не только гвардейской молодежи, но и старым заслуженным офицерам суворовской школы, гордившимся своим боевым прошлым («гатчинцы» же в огромном большинстве были героями плац-парадных учений и не имели никакой боевой практики).

Гвардия встретила «гатчинцев» в штыки. Новые начальники не могли похвастать ни своим родословием, ни своим богатством, ни своей обра-

АНГЛИЙСКАЯ КАРИКАТУРА НА ПАВЛА I
Исторический Музей, Москва

зованностью: это были грубоватые и простоватые служаки, набранные из захудалого провинциального дворянства (преимущественно украинского) или вовсе безродные выходцы из Германии и Остзейского края.

И, наконец, Павел передел армию в новые уродливые мундиры прусского образца, принятые в его гатчинских батальонах, — ввел пудру, пукли, штиблеты. Гвардейскую молодежь особенно возмущало запрещение щеголять в нарядных «разнополых и петиметрских» кафтанах и разъезжать в дорогих раззолоченных каретах. Новые мундиры, как и новые порядки, вызвали в обществе глумление, так же как и подражание Павла Фридриху во всем—«в одежде, в походке, в посадке на лошади»⁸⁴. По рукам ходила эпиграмма, приписываемая перу Державина:

Похож на Фридриха, скажу пред целым миром,
Но только не умом, а шляпой и мундиром⁸⁵.

Нет нужды приводить примеры из огромной литературы достоверных рассказов, анекдотов, сатирических стихотворений и эпиграмм, рисующих военный быт павловской эпохи с его железной дисциплиной, исклю-

чительной по жестокости бессмысленной муштрой и палочным режимом. Литература эта достаточно широко известна.

Не венценосец ты в Петровом славном граде,
Но варвар и капрал на вахтпараде —

эта эпиграмма на Павла I — одна из многих подобных — выражает дворянско-оппозиционные настроения, получившие очень широкое распространение в среде старого кадрового офицерства и гвардейской молодежи, начиная с первых же дней Павловского царствования. Павел, рассказавший заслуженную и родовитую военную аристократию екатерининской эпохи, Павел, гатчинской палкой выбивающий «екатерининский дух» из самолюбивых генералов, Павел, обидевший прославленного Суворова, пользовался исключительной ненавистью в военно-дворянской среде.

Но и зажатая в тиски Аракчеевского режима гвардия еще не желала проститься с иллюзиями великого «осмнадцатого столетия», века дворянского процветания, века дворянской вольности. Она еще полагала себя силой, способной направлять и изменять по своему усмотрению курс правительственной политики. Фаворитизм, столь пышно расцветший в условиях женских царствований, роль гвардии в бесчисленных дворцовых переворотах XVIII в., — все это давало гвардейскому офицерству субъективное право смотреть на себя, как на опору и блюстителей престола Российской империи. Естественно, что Павел I, решительно вступивший на путь обуздания дворянской «вольницы», воспринимался в этой среде как жестокий тиран и узурпатор, урезающий коренные дворянские права и привилегии. Не нужно конечно забывать при этом и о подспудно существовавшем дворянском либерализме, пусть загнанном в подполье, но все же существовавшем. Идеология «свободы и просвещения», расплывчатая и неясная, но эмоционально чрезвычайно высокая, либеральная фразеология, руссоизм в литературе и в жизни с его проповедью «естественной свободы» и критикой социального неравенства, поздние побеги вольтерьянства и атеизма — все это, переплетаясь в сложный клубок, в известной мере формировало социально-политические настроения дворянской фронды 1790—1800 гг. Фронда эта, как мы увидим ниже, пережила эпоху Павла и продолжала действовать в годы официального либерализма при Александре I.

Оппозиция Павловскому режиму слагалась не только в военной, но и в придворно-бюрократической среде. И здесь было много недовольных порядками, введенными «гатчинским варваром». Павел I вошел в историю с прочно установившеюся за ним репутацией жестокого тирана, невежественного самодура. Однако этот канонический образ Павла в значительной степени фальсифицирован в последовавшую за его царствованием эпоху официального либерализма (а вслед за тем и вообще всей либеральной историографией). Конечно смешно было бы реабилитировать Павла и искать оправдания его террористической деятельности, но тем не менее не следует замалчивать хотя бы такие его мероприятия, как закон о престолонаследии и так называемый указ о трехдневной барщине, обнародованные в день его коронации — 5 апреля 1797 г. Павел пытался ограничить лихоимство, взяточничество, продажность и прочие злоупотребления, развившиеся во всех гражданских ведомствах в последние годы царствования Екатерины до совершенно невероятных

пределов. Вся гражданская администрация—суды, департаменты, канцелярии и коллегии—являла в ту пору картину полного развала. Так же как в армии, и в этой области Павел подчинил все и всех строжайшей дисциплине, выработал исключительно тяжелый бюрократический регламент и восстал против себя огромную массу служилого чиновного дворянства.

Недовольные чиновники смыкались с недовольными гвардейцами и составили единую дворянскую фронду. С первого же дня своего царствования Павел очутился во враждебном окружении. У него не было даже своей партии, на которую он мог бы опереться и которой мог бы доверять; всего несколько человек любимцев, фаворитов, были и остались ему преданы. Фаворитизм при Павле нисколько не уменьшился сравнительно с екатерининской эпохой, он принял только новые формы. Своих любимцев Павел осыпал наградами неизмеримо более щедро, нежели Екатерина; раздача имений при Павле достигла небывалых размеров (только по случаю коронации роздано было более 100 тыс. душ крепостных крестьян и почти миллион десятин земли). Но фаворитизм при Павле был столько же мгновенным, сколько и случайным. Возвысившийся из «небытия» любимец ежедневно мог ожидать самой суровой расправы. Павел сам лишал себя верных людей, потому что «в людях видел он бесчувственных автоматов, движимых единою его волею, и он как будто тешился тем, что беспрестанно может и ронять их и призывать, карать и миловать, возвышать и низвергать, мертвить и оживлять. Никому не было от него пощады, ниже самым верным, старым слугам своим, людям, которые еще до вступления его на престол долголетними опытами доказывали ему свою преданность: из них под конец оставались при нем только два холопа, Кутайсов и Обольянинов, глупые невежды, которые готовы были все выносить»⁸⁶. В числе убийц Павла были его любимцы (прежде всего организатор заговора гр. П. А. Пален), и это обстоятельство отмечено в одном из произведений подпольной поэзии той поры:

РАЗГОВОР В ЦАРСТВЕ МЕРТВЫХ, НОСИВШИЙСЯ В НАРОДЕ 1801 ГОДА.

Екатерина II, увидя Павла I

Почто, любезный сын, так скоро ты пришел,
Ужель в Отечестве ты горести нашел?
Я с лишком тридцать лет Россией управляла
И, подданных любя, блаженство все вкушала.
А ты, четыре года лишь побыв там на престоле,
В места ничтожества спешишь теперь отголе!

Павел I

В четыре года что успел я сотворить
И как Отечество умел я разорить,
Того и в сорок лет
Монарху мудрому поправить силы нет.

(Уходит)

Суворов, встретясь с ним
Давно ли, Государь, такая стала мода
У русского народа,

Что шарф на шее вижу я у вас? —
И кто с таким узлом надел его на вас?

Павел I

Надели те его, которых я любил,
Которых милостями я щедро наградил.
За милости они вот чем мне заплатили,
Что шарфом сим меня тирански умертвили.

Суворов

Жалею, Государь! что с вами сие случилось,
Знать средства в с е х с п а с т и другого не осталось ⁸⁷.

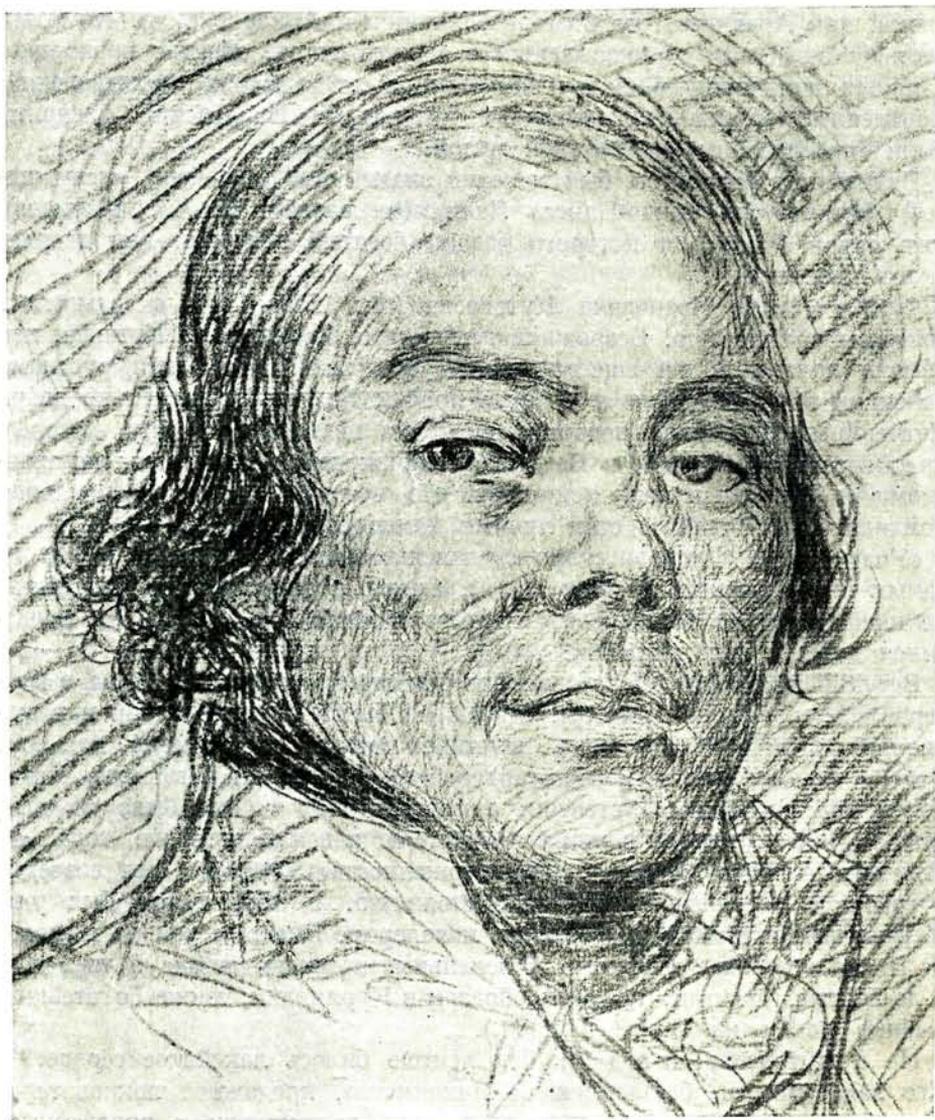
Х

Дворянская фронда 1790—1800 гг. имела свою литературу — печатную и рукописную. Ф. Ф. Вигель засвидетельствовал, что при Павле «число недовольных им было так велико; что, несмотря на деятельность тайных агентов, никто не опасался явно порицать и злословить его» ⁸⁸. Недовольство находило отражение на страницах журналов того времени. Любопытно, что именно при Павле, в обстановке ожесточенных цензурных гонений, в 1798 г. выходил «Санктпетербургский журнал», выражавший идеи крайнего радикализма той эпохи. Здесь печатались переводы из Гольбаха и стихотворения Пнина откровенно антимонархического содержания. Редактор этого журнала был идейно (а позже и лично) связан с Радищевым. И в других журналах появлялись статьи резко оппозиционного характера; так например, в журнале «Новости» 1799 г. (стр. 205) царствование Павла названо «днями зла», когда «человек стал глупости игрушка». В несколько более сдержанном тоне, но столь же определенно высказывались журналы: «Что-нибудь на досуге от безделья» (1798) и «Приятное и полезное препровождение времени» (1794—1798; с 1798 по 1801 г. выходил под заглавием: «Ипокрена, или утехи любословия»). Обычным лейтмотивом всех этих оппозиционных выступлений было сопоставление «дней зла» Павловского царствования с «золотым веком» Екатерининского правления — «мудрого» и «счастливого». Тоска по утраченной «вольности», «свободе», «независимости» окрашивает литературу дворянской оппозиции в мрачные, безрадостные тона.

Но конечно подлинный дух оппозиции следует искать не на страницах цензурованных журналов, а в подпольной литературе, в рукописных сатирических сочинениях, памфлетах, аллегориях и баснях. Литература эта имела в павловское время чрезвычайно широкое распространение во всех слоях дворянского общества, а до нас дошла к сожалению только в ничтожной своей части. Но и то немногое, что сохранилось, имеет несомненное социально-историческое, равно как и историко-литературное значение.

Большинство уцелевших памятников подпольной сатирической литературы конца XVIII—начала XIX в. давно уже стало известно по многочисленным печатным публикациям, но просмотр рукописных сборников позволил выявить еще целый ряд любопытных ненапечатанных произведений. Часть из них мы приводим ниже в сопровождении краткого пояснительного текста.

Видное место в подпольной сатирической литературе 1790—1800 гг. занимают стихотворения, направленные против влиятельных вельмож—

ПАВЕЛ I

Рисунок карандашом Н. И. Тончи
Исторический Музей, Москва

царских временщиков. Любимцы Павла были столь же непопулярны в дворянской среде, как и сам их «высокий» покровитель; непопулярность новых фаворитов сказалась между прочим в том, что в обширной одической литературе той поры мы почти вовсе не находим похвальных и поздравительных од, посвященных хотя бы таким видным деятелям эпохи, как Аракчеев, Кутайсов, Оболянинов, Архаров и др. Но количество похвальных од оказывается в данном случае обратно пропорциональным количеству бранных эпиграмм и сатирических стихотворений. Обойденные вниманием «высокой» литературы Павловские фавориты были «прославлены» подпольной музыкой.

Виднейшим фаворитом был конечно знаменитый Кутайсов, «услужливый Фигаро или Санчо-Панса» Павла (по словам Н. А. Саблукова), уже самая биография которого давала богатый материал для дворянского глумления.

Судьба Павла Ивановича Кутайсова (ок. 1759—1834) складывалась совершенно необычно. Безродный турок из г. Кутая (а не Кутаиса, как обычно полагают), он еще мальчиком был захвачен в плен русскими войсками под Бендерами и в числе прочих трофеев доставлен ко двору Екатерины. Екатерина подарила турчонка цесаревичу Павлу, который крестил его и отправил в Берлин и Париж для обучения парикмахерскому и фельдшерскому искусству. По возвращении из заграничной командировки Кутайсов стал личным камердинером Павла.

«Услужливый Фигаро» скоро сделался любимцем Павла и одним из самых приближенных к нему людей, однако в царствование Екатерины не поднимался из толпы слуг «малого» гатчинского двора и не возвысился дальше чина фурьера.

Вступив на престол, Павел немедленно же произвел Кутайсова в гардеробмейстеры (чин 5 класса). Брандмейстером быстро пошел в гору и в какие-нибудь три года сделал поистине головокружительную карьеру. Вскоре он был назначен обер-гардеробмейстером (чин 4 класса), пожалован орденом Анны I степени; в феврале 1799 г. ему было пожаловано баронское звание и чин егермейстера, а в мае того же года «за отличную ревность, усердие и приверженность» Кутайсов был возведен в графское Российской империи достоинство. В 1800 г. он был уже обер-шталмейстером и андреевским кавалером. Вместе с тем он получал от Павла огромные денежные и земельные награды (свыше 5 тыс. душ и до 50 тыс. десятин, главным образом в Курляндии, также богатейшие рыбные ловли на Волге и проч.).

Но в Кутайсове «и под голубою лентою билось лакейское сердце»⁸⁹. Его заносчивость, беззастенчивое лихоимство, продажное покровительство и приемы доносчика и инсинуатора восстановили и придворные, и чиновничьи круги против выскочки-временщика, вчерашнего циркульника и сегодняшнего вельможи.

Смерть Павла положила предел возвышению Кутайсова; после переворота 11 марта 1801 г. он уехал за границу, а по возвращении жил в Москве или в пожалованных ему богатых поместьях, усердно занимаясь сельским хозяйством.

В стихотворении, которое мы приводим ниже, осмеяно поведение Кутайсова в ночь с 11 на 12 марта 1801 г., когда верный фаворит не только не принял мер к защите своего благодетеля и монарха, но скрылся самым позорным образом, спасая свою собственную жизнь.

О бегстве Кутайсова из Михайловского замка сохранились свидетельства современников. Так например, Н. А. Саблуков в своих «Записках» сообщил, что «Майор Горголи, бывший плац-майором... получил приказание арестовать графа Кутайсова и актрису Шевалье, с которой тот был в связи и у которой он часто ночевал в доме. Так как его не нашли во дворце, то думали, что он у нее. Пронырливый Фигаро однако скрылся по потайной лестнице и, забыв о своем господине, которому всем был обязан, выбежал без башмаков и чулок, в одном халате и колпаке, и в таком виде бежал по городу, пока не нашел убежища в доме Степана Сергеевича Ланского»⁹⁰. Ср. показание барона Гейкинга: «Пока все это [убийство Павла] совершалось наверху, Кутайсов был разбужен раненым гусаром, кричавшим: «Спешите к государю, его убивают!» Сперва он хотел было подняться наверх, но смелость покинула его и он бросился бежать, выскочил на улицу в туфлях и сюртуке и, достигнув дома г. Л[анского] на Литейной, спрятался там и не показывался нигде до следующего дня»⁹¹. В несколько ином варианте рассказывает об этом же событии Август Коцебу: «Всего более заговорщики опасались преданности графа Кутайсова. Он имел обыкновение возвращаться от госпожи Шевалье в 11 часов вечера. Решили его в это время поймать и отвезти к графу Палену, где его должны были задержать до окончания переворота. Но случилось, что в этот вечер он вернулся домой в половине одиннадцатого, и таким образом ему удалось ускользнуть от заговорщиков. Переодетый в крестьянское платье, он побежал через Летний сад, за ним погнались, говорят даже, что по нем стреляли. Он спешил на Литейную к какому-то господину Ланскому; дорогою он потерял башмак, упал и вывихнул себе руку»⁹².

Стихотворение, найденное нами, написано в форме обращения к Кутайсову некоего Дольского. Кто такой был этот Дольский—в точности неизвестно, во всяком случае он не состоял на государственной службе, так как в списках чиновников за годы царствования Павла I имени его не встречается. Сведений о Дольском сохранилось чрезвычайно мало, но и немногие известные данные свидетельствуют, что он пользовался среди современников репутацией первостатейного прохвоста. Г. Р. Державин в своих «Записках» упоминает о Дольском, как о «наперснике г. Кутайсова». Кроме того Дольский упоминается Державиным в одной из эпиграмм конца 90-х годов:

Босканф, Лаба и Дольский
Сходны, как с братом брат:
Решил бы лишь Шешковский,
Кто больше плутоват⁹³.

По данным «Записок» Н. С. Ильинского, Дольский служил «секретарем и доверенною особою» у Кутайсова, «жил во дворце и имел у себя драгоценные вещи, которые разным особам жалованы были у государя». Могущество Дольского простиралось очень далеко: «все почтенные люди снискивали через него много». Ильинский описал «прием» у Дольского, когда «угощение было избыточное и шампанское вино лилось так, как вода. Он заставлял чиновников высшего класса ползать на полу на корячках, а в случае невыпития бокала лил шампанское к ним за пазуху; ездил с женою в великолепном экипаже, словом роскошествовал за счет двора сколько хотел». После убийства Павла I Дольский «был

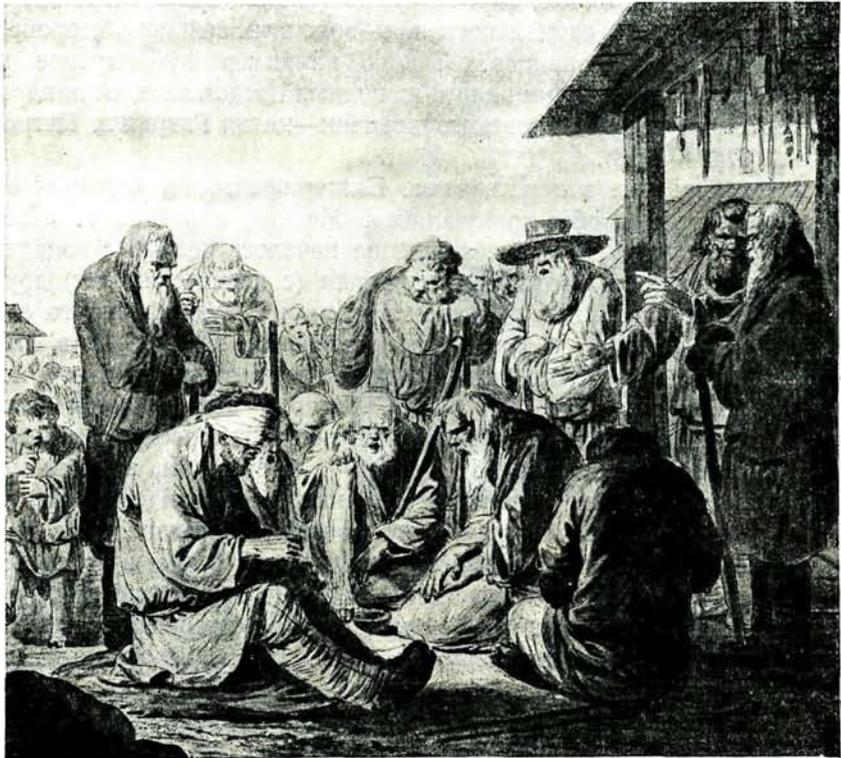
в худом положении и принужден был со страху отдавать назад все то, что он брал... наконец уехал в деревню и помешался в уме»⁹⁴. Любопытно, что Гете, проявивший настойчивый интерес к царевубийству 11 марта 1801 г., отметил в своей записке «Die Palasterrevolution gegen Kaiser Paul I» в числе участников заговора вместе с «графом Кутайсовым» и «тайного секретаря Михаила Дольского» (см. «Литературное Наследство» № 4—6, стр. 129), но это очевидно недоразумение.

Приводим текст найденного нами стихотворения, которое называется

ПОСЛАНИЕ ОТ ДОЛЬСКОГО К КУТАЙСОВУ

Пришло нам время расставаться,
 О, граф надменный и пустой!
 Нам должно скоро удаляться
 Из мест, где жили мы с тобой;
 Где кучу денег мы накрали,
 Несчастных бедных разоряли
 И мнили только лишь о том,
 Чтоб брать и златом и серебром.
 Фортуна много нам служила,
 Закрыв глаза свои платком,
 И естли бы не удушила
 Виновника параличиом⁹⁵
 В то время, как ты пробирался,
 Бранился, рвался и ругался, —
 То случай вышел бы иной,
 Когда б не спас тебя Ланской⁹⁶.
 Приятным сном ты наслаждался
 В то время, как пришел удар,
 В своих покоях прохлаждался,
 Когда скончался Государь.
 Но видно, вняв тому причину,
 Спасаться как твоему чину,
 Бежал как можно поскорей,
 Чтобы не заперли дверей.
 Ты мест прекрасных удалялся
 В портках, в халате, без штанов,
 Чрез грязь, каналы пробирался,
 Надевши обувь без чулков.
 Летел как громом пораженной,
 Как зверь, собакой уязвленной,
 И в трусости весь трепетал,
 Стремглав из замка побежал.
 Твоим приятством одолженный,
 Я должен правду говорить
 И, рабства став освобожденный,
 Тебя не ложью озарить.
 Дела чтоб наши не гремели,
 Заслуги вовсе онемели,
 Нельзя нам лучше предпринять
 Как к туркам в Азию бежать.
 Накупим бритв мы здесь поболее,

Чтоб лутче время проводить
И естли поживем там доле—
Там станем бороды им брить.
Столь похвальные науки
Не сделают ни малой скуки,
Искусство вместе с мастерством

ПОЮЩИЕ СЛЕПЦЫ

Акварель И. Ерменева (вторая половина XVIII в.)
Русский Музей, Ленинград

Мы в Азии уж заведиом.
Тебе известно их правленье,
А бритвой мастер ты водить
И мы введем в обыкновенье,
Чтоб им без усиков ходить.
Вот наших рук дела достойны
И сердцу милы и покойны,
Чем ролю нам играть вельмож...
Хотя ты граф, но не похож!
Хоть ты осыпан и звездами,
А всю останешься ослом,
Ты хлопал длинными ушами,
Где надо действовать умом.
Превратным щастьем одаренный.

Вмещал в душе своей лъстеца,
Оставил видеть всей вселенной
В себе скота и подлеца!..⁹⁷

Лихоимство, взяточничество и прочие злоупотребления, при Екатерине получившие самое широкое распространение, процветали и в царствование Павла. Подпольная сатира 1790—1800 гг., замещавшая собою наш публицистический фельетон, «бичевала» не только самые «пороки», но и конкретных носителей социального зла—порочных вельмож, неправедных судей, продажных чиновников. Таково например публикуемое ниже стихотворение, изобличающее одного из видных представителей придворно-бюрократической среды павловского времени—князя Гавриила Петровича Гагарина (1745—1808).

Князь Гагарин уже в царствование Екатерины достиг больших чинов (в 80-х годах он был обер-прокурором в Москве, а в 1793 г. назначен сенатором), но настоящее его возвышение началось только с воцарением Павла, с которым его связывала старинная (с юношеских лет) дружба. В конце 1796 г. Гагарин был назначен членом Государственного совета, в 1798 г.—определен в Комиссию о составлении законов, а в 1799 г. занял пост главного директора Государственного заемного банка и президента Коммерц-коллегии. К 1800 г. Гагарин достиг наивысших почестей, был действительным тайным советником I класса и андреевским кавалером. После переворота 11 марта 1801 г. Гагарин, в числе немногих других павловских вельмож, сохранил все свои высокие посты и вошел даже в состав «Непременного совета», состоявшего из двенадцати крупнейших и влиятельнейших сановников. Но уже в конце 1801 г. он вынужден был оставить службу и последние годы своей жизни провел вдали от двора, в деревне. Быстрым своим возвышением при Павле Гагарин был отчасти обязан дружбе с кн. П. В. Лопухиным, отцом известной фаворитки Павла I—княжны Анны Петровны, выданной царем в 1800 г. замуж за сына Гагарина—Павла Гаврииловича.

Кн. Гавриил Петрович Гагарин оставил след не только в истории русской бюрократии. Он был виднейшим масонским деятелем своего времени: в 1799 г. герцог Карл Зюдерманландский назначил его гроссмейстером всех масонских лож в России, председателем Великой Национальной Ложи и префектом Капитула Феникса. После того как Великая Национальная Ложа прекратила свою деятельность (в 1781 г.), Гагарин, переехав в Москву, примкнул к кругу мартинистов.

Гагарин был, не в пример прочим павловским вельможам, образованным человеком и занимался литературой. Известно несколько изданных им брошюр по богословским вопросам и сборник «Нравственных рассуждений», появившийся уже после его смерти под заглавием: «Забавы уединения моего в с. Богословском; оставшееся творение кн. Г. Гагарина» (СПБ., 1813). Гагарин славился своим благочестием, сочинял молитвы и акафисты, был очень тесно связан с высшей церковной иерархией и вместе с тем, по единодушным отзывам современников, отличался «глубокой безнравственностью».

Репутация Гагарина была самая незавидная. Службу в Сенате и Коммерц-коллегии он совмещал с казенными подрядами и винными откупам. Еще в начале 90-х годов он прославился каким-то скандальным делом с «перекупными быками», а в 1796 г. поставил в Москву вино

НИЩАЯ С ДЕВОЧКОЙ

Акварель И. Ерменева (вторая половина XVIII в.)

Русский Музей, Ленинград

«с дурным запахом и подозрительною пеною», в связи с чем ему было запрещено Екатериной II «являться ко двору и в общество».

Занимаясь по приказанию Павла I в 1799 г. разработкой проекта банкротского и вексельного устава, действие которого должно было распространяться не только на купцов, но и на дворян, впавших в неплатные долги, Гагарин был в то же время сам неплатным должником (в 1797 г. долги его достигали огромной по тем временам суммы в 300 тыс. руб.).

Самые разные люди, как например кн. А. Г. Орлов-Чесменский, гр. Ф. Г. Головкин, кн. В. П. Кочубей, А. Я. Протасов, одинаково резко отзывались о нравственных качествах Гагарина. А гр. Ф. В. Ростопчин засвидетельствовал даже, что Гагарин, узнав о готовящемся преследовании мартинистов, «решил выдать тайны, которые знал, чтобы обелить себя». «Единственно только страх заставил его сделаться предателем,—пишет Ростопчин,—потому что он был одним из тех людей, которые высказывали большую привязанность великому князю Павлу и дозволяли себе порицать мероприятия Екатерины II. Это был человек умный, деловой, но низкий, интересан, развратный, кутила, опутанный долгами и потерявший всякую репутацию»⁹⁸. Любопытно, что кн. Г. П. Гагарин был потомком легендарного лихоимца петровской эпохи—сибирского губернатора кн. Матвея Петровича Гагарина, повешенного в 1721 г.

В стихотворении, которое мы приводим ниже, высмеяно и мнимое благочестие Гагарина, и его собственное банкротство. Похоже, что автором стихотворения был один из заимодавцев Гагарина: чувствуется уж слишком личный тон обиды и негодования. Неясно, о каком «певце»,

воспевающем «гнуснейшие дела» Гагарина, идет речь в последней строфе. Вот текст стихотворения:

Так-то делают вельможи,
Так-то век свой кончит плут,
Благовидные их рожи
Часто в гибель их влекут.

Князь княжим почтенным родом,
Рожу рожей прикрывал,
Србнил маску и уродом
Себя свету показал.

Жил как Ангел будто плотской,
А таскал что мог как крот,
Написал устав банкротской
Для себя—и стал банкрот.

Где Акафисты, молитвы
Где смиренный разговор,
Эти сети для ловитвы,
Кои расставлял нам вор.

Обокрав до миллиона
Разных званиев людей,
Ты прибег под сень закона,—
Свят закон, а ты злодей.

В свет появишься, Г[агарин],
Принят будешь за кого?
Взглянут: ленты,—это барин!
По душе что?—ничего!

Был министр, а стал банкротом,
Спросят отчего и как?—
Плутовским де оборотом:
Так, кто верил, тот дурак.

Право, Князь! чему смеяться?
Твой прожект хоть бы куда!
Обокрав, вздумал прижаться...
Хорошо, но вот беда:

Дураки другое скажут,
Собрав внучат и детей,
Пальцом на тебя укажут:
Бойтесь вы его!.. Злодей!

Целый век молился богу,
Целый век псалтырь читал,
Худо понял и дорогу:
Вместо рая ад избрал.

Пересудят скоро черти
Все сиятельны дела,
Будут исчислять по смерти,
Сколько делал в жизнь ты зла.

Как ты, бывши прокурором,
Занимав не отдавал,
Не хотя быть явным вором,
Вексель за дела давал.

Вспомнят, как людей подлеjších
Ты в майоры произвел,
Чтобы дел твоих гнуснейших
Был певец, который пел ⁹⁹.

Одной из самых удобных и излюбленных мишеней для подпольных сатириков 1790—1800 гг. был светлейший князь Петр Васильевич Лопухин (1753—1827)—отец фаворитки Павла I, княжны Анны Петровны, в замужестве княгини Гагариной (1777—1805).

Лопухин принадлежал к числу ревностных, но малозаметных провинциальных служак Екатерининского царствования, не имевших доступа ни ко двору, ни в великосветские столичные салоны. Он был типичным вельможей в губернском масштабе. В 1793 г. Лопухин получил доходное место ярославского и вологодского генерал-губернатора, а три года спустя назначен сенатором в Москву. Уже в то время он был широко известен как заядлый стяжатель, и назначение его в высшее судебное учреждение, в «храм правосудия», было отмечено эпиграммой:

Не два и не один ограблен,
А целой бедных миллион:
Но тот злодей судом оправлен,
И сам судьбою зделан он ¹⁰⁰.

В 1797 г. весь двор и высшая бюрократия присутствовали на происходивших в Москве торжествах по случаю коронации Павла I. Среди московского дворянства, приглашавшегося на придворные балы, был и сенатор П. В. Лопухин с «фамилией». На одном из подобных балов Павел I обратил особенное внимание на девицу Анну Петровну Лопухину, не бывшую—по отзывам современников—«красавицей», но покорившую императорское сердце своими «огненными глазами».

Увлечением Павла ловко воспользовалась сложившаяся при новом дворе партия Кутайсова—Ростопчина; воспользовалась ради ослабления влияния фрейлины Нелидовой и императрицы Марии Федоровны. «Услужливый Фигаро»—Кутайсов—переговорил с Лопухиным, и вскоре же при дворе появилась новая фаворитка. Несомненно, что увлечение Павла девицей Лопухиной много способствовало укреплению Кутайсовской партии.

Современники отметили не только «огненные глаза», но и «небольшой ум» и «малую образованность» Анны Петровны. Сама она и не пыталась распространить свое влияние на ход государственных дел и даже нашла в себе достаточно такта, чтобы держаться в стороне от придворных интриг. Но она была послушным орудием в руках Кутайсова и своего отца, благодаря чему ее фавор имел несомненное политическое значение.

В 1800 г. дружеские связи Кутайсова с Лопухиным были закреплены браком младшей сестры фаворитки—Прасковьи Петровны и старшего сына Кутайсова—Павла Ивановича. Таким образом все три героя, о которых идет речь в нашей статье (Кутайсов, Гагарин, Лопухин), были связаны между собою очень тесно.

В 1798 г. вся семья Лопухиных была вызвана в Петербург и здесь на нее посыпались царские милости в количестве и темпах, необычайных даже для той эпохи узаконенного фаворитизма. В сентябре 1798 г. Анна Петровна была назначена камер-фрейлиной и поселилась во дворце, в декабре того же года она была пожалована орденом Иоанна Иерусалимского большого креста, а в феврале 1799 г.—орденом св. Екатерины I степени. В феврале 1800 г. Павел I счел удобным для себя выдать Лопухину замуж за кн. П. Г. Гагарина (1777—1850), но она попрежнему жила во дворце и после переезда императорской фамилии в Михайловский замок заняла комнаты в непосредственной близости с личными апартаментами Павла.

Фаворитизм Лопухиной-Гагариной был исключителен и официален: «Гренадерские шапки, знамена, флаги кораблей и самые корабли были украшены именем Благодати» (Анна по-гречески значит—благодать)¹⁰¹.

Царские милости изливались не только на самую фаворитку, но и на всю ее семью. Мачеха Анны Петровны—Екатерина Николаевна (1763—1828), знаменитая своими любовными похождениями, глупостью, невежеством, суеверием и ханжеством, в 1797 г. также была пожалована званием кавалерственной дамы, а в 1798 г. назначена статс-дамой. Фавор распространялся даже на любовников Екатерины Николаевны; так например известный впоследствии Ф. П. Уваров был всецело обязан ей своею блестящею карьерой.

Но конечно более других взыскан был щедротами Павла I отец «Благодати». В 1798 г. он был назначен генерал-прокурором, награжден чином действительного тайного советника, орденами Андрея Первозванного, Анны и Иоанна Иерусалимского большого креста и огромным домом на Дворцовой набережной в Петербурге. В следующем году он получил портрет Павла I, бриллиантовые знаки андреевского ордена, княжеское Российской империи достоинство (а вслед затем и титул светлости), богатейшее поместье Корсунь (в Киевской губ.) и наконец придворную ливрею для своей челяди, что считалось одною из наиболее лестных наград.

Однако Лопухин—«прославленный и пренагражденный»—недолго утруждал себя государственными заботами и уже в июле 1799 г. сам попросился в отставку и переехал обратно в Москву, где и прожил до воцарения Александра.

Новый император снова вызвал Лопухина ко двору, определил его в Государственный совет, а в октябре 1803 г. назначил вместо уволенного Г. Р. Державина министром юстиции и управляющим Комиссией о составлении законов (посты эти Лопухин занимал до 1811 г.). При Александре I Лопухин достиг самой вершины бюрократической лестницы: с 1816 г. он был председателем Государственного совета и Комитета министров. В 1826 г. Николай I назначил Лопухина председателем Верховного уголовного суда по делу декабристов; Н. И. Тургенев назвал его в этой должности «светлейшим и подлейшим»¹⁰².

По отзыву А. Ф. Воейкова «Петр Васильевич Лопухин был одарен необыкновенными способностями. Он при Екатерине был уже ярославским генерал-губернатором. При благоприятных обстоятельствах, в которые фортуна поставила его при императоре Павле, он мог бы действовать смелее, чем кто-нибудь. Но ленивый, сладострастный, охотник до собак и шутов, ему именно недоставало того высокосердия, с каким

АНГЛИЙСКАЯ КАРИКАТУРА НА ПАВЛА I, ИЗДАННАЯ В 1799 ГОДУ ВО ВРЕМЯ ПОХОДА СУВОРОВА ПРОТИВ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ

На карикатуре Павел попирает ногой разорванное знамя с лозунгом революционной Франции:
„Да здравствует равенство“

Публичная Библиотека, Ленинград

сенатор князь Я. Ф. Долгорукой пред Петром Великим стоял—и правду говорил»¹⁰³.

Два стихотворения о Лопухине, которые мы приводим ниже, имеют в виду его позднейшую деятельность на посту министра юстиции (начало 800-х годов). Первое из них озаглавлено:

ГРАМАТИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ
К ПОРТРЕТУ М[ИНИСТРА] Ю[СТИЦИИ] Л[ОПУХИНА]

В о п р о с

В изображеньи сем что за похабна рожа?

О т в е т

Министр юстиции—светлейшая вельможа.

В о п р о с

Да как достигнул он сей знати?

О т в е т

Он сводник и отец известной Б л а г о д а т и.

А. Т. Болотов, переписавший это четверостишие в свой «Магазин достопамятных и любопытных бумаг, носившихся в народе»¹⁰⁴, сопроводил его следующим примечанием: «Дерзкие сии стишки носились также в народе 1805 года. Но кто сочинил их также неизвестно: а по всему заключить можно, что недовольный князем Лопухиным».

Число «недовольных» министром юстиции было велико; второе найденное нами стихотворение (не имеющее заглавия) также принадлежит перу кого-то из «недовольных». В данном случае выражается недовольство акцизной политикой, находившейся в ведении Лопухина, а особенно откупной системой 800-х годов, вызвавшей значительное вздорожание хлебного вина. Автор обвиняет Лопухина в поддержке откупщиков, которые грабят народ, привыкший «пить чарочку винца». Приводим текст стихотворения:

Здравствуй князь, о князь светлейший!

Из болот и из грязей

На высоко гору взшедший,

Ты теперь не меж свиней.

Ты теперь в руках имеешь

Правосудия безмен,

Ты теперь отважно смеешь

Сделать много перемен.

Можешь не жалеть оковы,

Цепь, рогатку, кнут и плеть,—

Можешь сделать ныне новы,

Можешь и казнить велеть.

Можешь все места в Сенате

Опорожнить в день один,

В уголовной все палате

Могут быть без всяких вин.

Можешь старца, украшенна

Сединою и умом

И семьей обремененна—
По миру пустить с кушмом;

А на стул его судейской
Посадить того, кто мил
Был тебе, жене полезной,
Или дочери служил.

Ты теперь уж при юстиции —
Можешь награждати всех,
Кто с тобой был при полиции ¹⁰⁵
Можешь награждать и тех,

Кто писал расход домашний,
За конюшной кто смотрел,
Кто чесал тупей ужасной,
Бороду тебе кто брел,

Но за то не брали платы
Как то водится у бар,
Коих суть домашни траты —
Чин дать, крест и место в дар.

Оных всех ты ныне волен
Записать в приказной цех,
Кто тем будет недоволен,
Тех в судьи вписать не грех.

Уж одни и подспели
Получить себе свое,
Губернаторство схватили
В прежне щастие твое.

Уж живут они спокойно
Давят добрых стариков,
Ты ж не так криви проворно
Стрелку праведных весов.

Но на месяц хоть скрепися,
Презри их коварну лесть,
После сжался, умилися,
Дай аренду, чин и крест.

Хоть бы был ты и прилежен,
Но нельзя всех дел обнять:
Все делец тебе потребен
Твою должность исправлять.

Надобно искать такого,
Чтоб весы кривить так знал,
Чтоб на них клал больше злого
И добра не подмешал.

Буде б подмесь таковую
Учинить — просить кто стал,
То бы совесть никакую
В поручительство не брал.

Но на верном договоре
Делом делу бы конец:
В компанейской есть канторе
Преспособный молодец ¹⁰⁶.

Кроме должности казенной
Он и дом твой учредит;
Кучер и лакей твой верной,—
Будет пьян, одет и сыт.

Чуда в людях не бывало,
Как вселенна создана,
На Руси бы чтоб не стало
Пива, меду и вина.

Чтоб солдат в пыли и поте
И лишась жены, отца,
И мужик в грязи, в работе
Не пил чарочки винца.

Ныне ж все они говеют
От уставов, от умов,
Тужат, стонут, но не смеют
Потузить откупщиков.

Пусть еще хоть год и боле
Будет мучиться народ,
У тебя, князь, будет море,
Будет водка, пиво, мед.

У тебя вить дел правитель
Будет зять откупщика,
Будь ему ты покровитель
Ради тестева умка.

Век не тот, чтоб кто был в силе
Разбирать твои дела:
Долгоруков ¹⁰⁷ уж в могиле! —
Для кого тюрьма мила?

Ты ж велико сделал дело
Для верховнейших судей,
Ты на сей пустил свет тело
Видно в красоте своей.

Как проникнем в даль-судьбину—
Князь был прежде при весах,
Весят где грибы, свинину...
Ныне что в его руках!

Прежде весил все припасы
Мыло, сало и гусей ¹⁰⁸,
Ныне ест он ананасы
За судьбу и рок людей...

Здравствуй с сею, князь, добычей,
С министерской головой!

Прежний ты держи обычай,
Прежнею пари стезей!

Коей шел ты в прежне щастье,
Пред собою дочь ведя,
Пусть еще придет ненастье
И еще спасут тебя.

Об тебе нам насаказали,
Будто стал с другим умом,
Совесть, душу приписали,
Будто брезгаешь ты злом.

Слух прошел, что не желаешь
Быть с министерским пером,
Будто жить располагаешь
С прежде схваченным добром.

Кто и чувствует и знает
Цену праведных весов,
Тот их пусть и отвергает,
Но ты, князь мой, не таков ¹⁰⁹.

XI

Выступая против правящей верхушки класса дворян-землевладельцев, придворно-гвардейская фронда конца XVIII—начала XIX в. сама была плотью от плоти и костью от кости господствующего класса. Влияние радикально-буржуазных идеологий только слегка коснулось ее, вернее даже не всей фронды в целом, а немногих отдельных ее представителей:

РУССКИЙ КРЕСТЬЯНИН КОНЦА
XVIII ВЕКА

Рисунок тушью Эшара
Государственный Эрмитаж, Ленинград

в основном борьба шла в пределах единой классовой идеологии, опиравшейся на принципы экономической гегемонии и сословных привилегий.

Переворот 11 марта 1801 г., совершенный руками придворно-гвардейской фронды, был типичным дворцовым *coup-d'état*, каких много было в XVIII в. Никакого революционного значения он не имел. Известно, что убийство Павла I было связано с разрывом англо-русского союза. Недаром первым делом Александра I была посылка курьера в Англию с возвращением мира. Главную роль в событии 11 марта сыграло отнюдь не «вольнолюбие» дворянских оппозиционеров, а английское золото, не гражданское мужество гвардейских фрондеров, а трезвый расчет лорда Уитворда (британского посла при Петербургском дворе).

Гвардейская молодежь, привлеченная к делу низложения неугодного крупнопоместному дворянству монарха, после переворота 1801 г. очутилась в двусмысленном положении. В дни «Александровской весны» она пыталась примкнуть к группе «молодых друзей» Александра I (Чарторижский, Новосильцов, Кочубей, Строганов), вырвавших победу и власть на следующий же день после 11 марта из рук Палена и его сообщников. Но интересы средневояннской, родовитой и «обездоленной» фронды роковым образом не совпадали с интересами барственных либералов, разводивших розовой водицей британского конституционализма политику укрепления экономической и социальной гегемонии крупнопоместного землевладения.

Гвардейская фронда ничего не выиграла, она и в условиях нового царствования осталась попрежнему на позициях, враждебных правительству и царю. А вскоре же последовавшее крушение политики «молодых друзей» определило окончательный разгром оппозиционных идеологий вообще. Аракчеев, бесцеремонно срывающий последние целомудренные покровы официального либерализма, отнюдь не имел склонности заигрывать с гвардией; гатчинский режим восторжествовал с новой силой (хотя и в несколько иных формах), и гвардейская фронда в очень короткий срок отказалась от реализации всех своих планов и начинаний.

Ниже мы приводим несколько произведений подпольной сатирической литературы 800-х годов, расположив их соответственно тем основным направлениям, по которым шло развитие дворянско-оппозиционных настроений в начале царствования Александра.

Но прежде чем перейти непосредственно к литературе оппозиции, приведем одно стихотворение, выражающее характерные для некоторой части дворянского общества 800-х годов преувеличенные надежды на либеральные реформы Александра, на возвращение «золотого века» Екатерининского царствования. Насколько необоснованы были эти надежды—увидим ниже из других произведений подпольной музыки. Даем текст стихотворения:

СТИХИ

на прибытие в Курск малороссийского Генерала-Губернатора князя Алексея Борисовича Куракина для обозрения дел и некоторых следствий в апреле 1806 года

Ну! полно, Муза, спать, проснися!
Полтавской едет гость сюда,

Встряхнись, умойся, причешися
 Вот так!—ой девка! хоть куда!
 Смотри ж—скромненько приоденься,
 Чинненька будь—и не кобенясь,
 А попросту, без всех затей;
 Белил. румян совсем не надо,
 При нем быть можно без наряда,
 Он знает различать людей.

КРЕСТЬЯНЕ-ИЗВОЗЧИКИ

Рисунок тушью Эшара

Государственный Эрмитаж, Ленинград

Со сна!—так пой ты на бемоле,
 А если хочешь—заори!
 Взять тон в твоей, голубка, воле,
 Лишь только правду говори.
 Чтоб не было ни лжи, ни лести,
 Чтобы ничьей не трогать чести,
 А именем все вещи звать,
 Как например: вздор можно вздором,
 А вора—всем возможно воров
 Без страха нам именовать.

Пустилась Муза петь те веки,
 Как можно было взятки брать,
 Текли судьям золотые реки,
 Не нужно было в банк играть.
 Кто просьбу лишь подать смышляет—
 К судье заране прибегает,
 Кладет на столик сигунка;
 А если тяжба хлопотлива,

Жена судейска не брезглива—
Сама возьмет из сундука.

Кто прежде не имел соломы
Чем бедну хижину покрыть,
Накупит тот деревни, дома,
Лишь только б удалось побыть
Судьей лет пять, шесть, иль десяток.
Коней, овец, коров, теляток
И дом, как полную чашу, заведет;
Да будет чем и поделиться,
Когда несчастьишко случится,
Домой с остатком побредет.

Начальникам места в продажу
Давались прежде с молотка,
А брал он сверх того за кражу
С богатого и бедняка.
Исправник хочешь быть—торгуйся,
А с честным именем не суйся:
Уезду всякому цена!
Дай цену—после грабить волен,
И будет всяк из нас доволен,
К местам дорога здесь одна.

Вот так-то в старину бывало,
Зато и всем уж был хабар,
Чего ж тогда недоставало?
Места ходили за товар.
Есть деньги—место вдруг готово,
Нет их—о месте уж ни слова,
Или за откуп, как не дать?
Когда начальнику нет платы,
Он втрое наведет утраты
И не позволит притеснять.

Да, полно, девка! Завралася.
Почто о прошлом вспоминать?
Иль рада ты, что дождалася
Того—кто едет восставлять
Во всем порядок и устройство,
Доставить жителям спокойство
И зло исторгнуть, истребить.
Он волю вышню исполняет,
Всего себя истощевает,
Чтоб всех законом защитить.

Гряди! гряди! к нам муж почтенный!
Блажую волю совершай,
Лучем небесным озаренный
Покой стране сей возвращай.
Да правда пред тобой предъидет,
Фемида здесь на трон свой взыдет
И зло во узы заключит.

С весельем честь тебя встречает,
 Порок со страхом ожидает,
 Народ—твой вход благословит! ¹¹⁰

Ревизия кн. А. Б. Куракина была вызвана исключительными злоупотреблениями курского губернатора Протасова: «Войдя в соглашение с председателем гражданской палаты Пузановым, он обирал губернию и продавал правду за деньги. Откупщики вина были обложены губернатором ежегодным окладом в 2500 руб. с каждого города, которых в губернии было пятнадцать. Исправники, выбираемые дворянством, как люди честные, были сменяемы и заменяемы другими, обязанными платить губернатору по 500 рублей ежегодно. Лица эти, выручая деньги для уплаты начальству, не забывали и себя, притесняли жителей многочисленными поборами, покровительствовали ворами и грабителям. Грабежи среди бела-дня были делом обыкновенным, и земская полиция, будучи сама участницею во всех противозаконных поступках, никогда не задерживала воров и не находила украденного. В 1804 и 1805 гг. Протасов потребовал и получил от Курской городской думы по 3000 руб. из доходов ярмарки и в том числе 1000 руб. золотом. Осматривая присутственные места в гг. Рыльске и Обояни, он взял с каждого из городских обществ по 500 руб. и неизвестно сколько с губернских правлений за неправильное производство дел... В Белгородском уезде исправник Пузанов, родной брат председателя гражданской палаты, соумышленника губернатора, собирал с крестьян по 5 коп. с души на свою свадьбу» (Н. Дубровин.—«Русская жизнь в начале XIX в.», см. «Русская Старина» 1899, № 6, стр. 499—500).

Автор этого оптимистического стихотворения, столь твердо рассчитывающий на восстановление «во всем порядка и спокойства», князь Прокопий Васильевич Мещерский (1736—1818), принадлежал к числу обиженных Павлом I вельмож. Богатейший курский помещик и крупный чиновник (гофмаршал и петербургский гражданский губернатор, пользовавшийся одно время расположением Павла и «отрешонный от должности» в 1800 г.), Мещерский был весьма образованным и талантливым человеком. Обладая обширными сведениями из разных областей знания, он занимался живописью, скульптурой, резьбой по дереву, токарным и слесарным делом (завел у себя в поместьи мастерскую художественной мебели). Приведенное стихотворение не есть единственный след литературных занятий Мещерского. Нам известны четыре его оды, обращенные к Павлу I ¹¹¹. Кроме того Мещерский был замечательным актером-любителем реалистического склада и, по словам М. С. Щепкина, «первый в России на сцене заговорил просто» ¹¹². Последние годы жизни Мещерский провел в отставке, послушником Знаменского монастыря (под Курском). «Бывший вельможа не принимал монашеского чина, однако жил много лет в монастыре, ходил в черной рясе со звездой на груди и часто говаривал проповеди в своей обители. Мне случалось не один раз слышать его громы против слабостей человеческих», вспоминал Кс. Полевой ¹¹³.

Что касается князя Алексея Борисовича Куракина (1759—1829), в прославление которого написано стихотворение Мещерского, то это был один из «просвещенных вельмож», получивший прекрасное образование в Лейденском университете (Куракин был воспитанником

гр. Н. И. и П. И. Паниных). Вместе с братом Александром Алексей Куракин играл большую роль при дворе Павла I до 1798 г. (занимал посты генерал-прокурора, министра департамента удельных имений и директора Ассигнационного банка). Куракин (равно как и кн. П. В. Мещерский) примыкал к партии фрейлины Нелидовой; победа партии Кутайсова-Ростопчина-Лопухина вынудила Куракина выйти в отставку. При Александре I, в 1802 г., он был назначен малороссийским генерал-губернатором, а в 1807 г.—министром внутренних дел (с 1826 г. Куракин—канцлер российских орденов, входил в состав Верховного суда по делу декабристов). По отзыву А. Ф. Воейкова, Куракин «пользовался особенным благоволением... и считался домашним человеком при маленьком дворе великого князя Павла Петровича. По вступлении его на престол он занимал важные должности, но не был государственным человеком в хорошем смысле этого слова. Его развратная жизнь, мотовство, хлопотливость без пользы, проекты неисполнимые или пустые, недостаток образования, хотя при уме от природы остром, делали его тяжелым для подчиненных и неправосудным при благородном стремлении к правосудию»¹¹⁴.

Стихотворение Мещерского стоит всецело еще за пределами собственно-оппозиционной литературы. По существу то хвалебная ода не столько в адрес Куракина, сколько в адрес Александра I, интересная для нас только своим ретроспективным взглядом на «неустройство» павловской эпохи.

Следующим этапом может служить например найденная нами басня «Странники», выражающая умеренно оппозиционные настроения той части дворянского общества, которая искала причину отечественного «неустройства» исключительно в произволе «порочных» министров и сановников, «обманывающих доброго царя» и мешающих ему править государством на началах строгой законности. Такая сатира не имеет еще достаточной остроты,—она поверхностна, прекраснодушна и не затрагивает личности монарха. Приводим текст басни:

СТРАННИКИ

Б а с н я

Златова века дни в России миновали: *

З а к о н и И с т и н а оттоль откочевали,

И прожили пять лет,

Превыше всех планет.

Когда же доброй царь на Русский трон вступил,

З а к о н и И с т и н у к себе сойти просил.

Кому не хочется туда, где есть потомки?

Срубили костыльки, навесили котомки,

Присели на полу,

Потом, воздав Сатурну похвалу,

З а к о н и И с т и н а с богами распростились,

В Россию ниспустились.

З а к о н одет в старинной полкофтан,

Который нашивал покойный К а и н а н.

* Кончина Екатерины II.— Автор.

ПАВЕЛ I
Мраморный бюст работы Ф. И. Шубина (конец XVIII в.)
Русский Музей, Ленинград

А Истина, сквозь звезд путь жарким полагая,
 Пришла совсем нагая,
 И точно так—по правде говорю—
 Явились к царю.

Дивили Росской двор столь грубые невежды,
 Придворные свои давали им одежды

И маски на лицо,
 Учили говорить по случаю словцо;
 Но гости грубые вели себя упрямо:
 Что видели, то все царю вещали прямо
 В глаза —

Касалось что равно до двойки, иль туза.
 Разврат сей Истины и грубости Закона
 Порядок и дела разрушили у трона.

Там жалоба, там стон,
 Там внучек обойден.

Чтож делать тут пришлось: гостям поправить кости.
 Но Правда и Закон ведь званы были в гости.
 За чем тот час

Для новых сих гостей придумали приказ:
 Чтоб им, друзьям, держать обыкновенье древне,
 По спискам числиться, а жить всегда
 в деревне.

Но доброй царь приказ тот отменил,
 И вместо одного противный сотворил:
 «Закону ввек сидеть у трона без покою,
 А Истине водить всегда его рукою».
 Поверьте—царь им рек—от вас не отлучусь,
 От вас я царствовать учусь.

Тут доброго царя министры обманули,
 Лесть гнусну—Истиной и Ябеду—Законом
 В тех точном образе представили пред троном,
 А странникам честным приязненно шепнули:
 Коль живы быть хотят—скорее б убирались
 И к доброму царю во веки не являлись.
 Закон и Истина, себя спасая,
 Принуждены бежать, о Россах воздыхая.
 С тех пор Лесть с Ябедой монархом добрым правят,
 Порочных жалуют, достойных, честных давят ¹¹⁵.

XII

Другие подпольные стихотворцы глубже постигали суть дела и «подсвистывали» уже самому Александру I. Н. И. Греч, вспоминая о первых годах Александрова царствования, писал: «Нельзя сказать, чтоб и тогда были довольны настоящим порядком дел. Простая и тихая жизнь государя, его бережливость, его снисхождение к людям, которые того не заслуживали, и главное—внушение зависти и злобы—возбуждали порицания его правления и действий. Эти порицания проявлялись в рукописных стихотворениях. Самое сильное из этих стихотворений было: Орлица, Турухтан и Тетерев, написанное не помню кем» ¹¹⁶.

Упомянутое Гречем стихотворение сохранилось во множестве списков и с большими основаниями приписывается перу Дениса Давыдова, в ту пору (1803—1804 гг.) молодого кавалергардского поручика, прославившегося своими «вольными» баснями «Голова и ноги» и «Река и зеркало», а также сатирой «Сон»¹¹⁷.

«Орлица, Турухтан и Тетерев» является своего рода программным стихотворением дворянской фронды 800-х годов. Здесь нашли себе отражение и воспоминания о «золотом веке» Екатерины, и обманутые надежды на возвращение этого «золотого века». Давыдов самым резким образом отзывается об Александре I, обещавшем в манифесте управлять «по законам и по сердцу возлюбленной бабки» и не сдержавшем своих обещаний. Любопытная деталь: особо подчеркнута «скупость» Александра. Дворянство все еще мечтало о былом великолепии императорского двора, о щедрых подарках и награждениях. Александр же действительно был скуповат, а особенно на денежные и земельные награды. Педант и формалист, он прежде всего хотел видеть везде и всюду порядок, план. Когда улеглись первые восторги после низложения Павла, дворянская фронда убедилась, что с всероссийского вахтпарада она попала во всероссийскую канцелярию. И та и другая были ей одинаково чужды и враждебны. Великий «осьмнадцатый век», век дворянского процветания, не возвращался.

В виду крупного значения басни Давыдова в истории подпольной поэзии и малой ее известности имеет смысл привести ее целиком; под «Орлицей» в ней следует понимать Екатерину II, под «Турухтаном» — Павла I, под «Тетеревом» — Александра I.

ОРЛИЦА, ТУРУХТАН И ТЕТЕРЕВ

Орлица

Царица

Над стадом птиц была,
 Любила истину, щедроты изливала,
 Неправду, клевету с престола презирала.
 За то премудрую из птиц она слыла,
 За то ее любили,
 Покой ее хранили.
 Но наконец она Всемощною Рукой,
 По правилам природы,
 Прожив назначенные годы,
 Взята была судьбой,
 А по-просту сказать—Орлица жизнь скончала;
 Тоску и горести на птичий род нагнала;
 И все в отчаяньи горчайши слезы льют,
 Унылым тоном
 И со стоном
 Хвалы покойнице поют.
 Что сердцу горестно, легко ли то забыть?
 Слеза—души отрада
 И доброй памяти награда.
 Но—как ни горестно—ее не возвратить...
 Пернаты рассуждают,
 И так друг друга уверяют,

Что без царя нельзя никак на свете жить,
И что царю у них, конечно, должно быть!
И тотчас меж собой совет они собрали

И стали толковать,
Кого в цари избрать?
И наконец избрали...

Великий боже!

Кого же?

Турухтана!

Хоть знали многие, что нрав его крутой,

Что будет царь лихой,

Что сущего тирана

Не надо избирать,

Но должно было потакать, —

И тысячу похвал везде ему трубили:
Иной разумным звал, другие находили,
Что будет он отец отечества всего,
Иные клали всю надежду на него,
Иные до небес ту птицу возносили,
И злого петуха в корону нарядили.

А он —

Лишь шаг на трон,

То хищной тварью всей себя и окружил:

Сычей, сорок, ворон — в павлины нарядил,

И с сею сволочью он тем лишь забавлялся,

Что доброй дичью всей без милости ругался:

Кого велит до смерти заклевать,

Кого в леса дальнейшие сослать,

Кого велит терзать сорокопугу —

И всякую минуту

Несчастья каждый ждал.

Томился птичий род, стенал...

В ужасном страхе все, а делать что — не знают!

«Виновны сами мы, — пернаты рассуждают, —

И, зная, карает нас вселенные творец,

За наши каверзы, тираном сим вконец,

Или за то, что мы в цари избрали птицу

Кровопийцу!..»

И в горести они летят толпой к леску,

Размыкать там свою смертельную тоску.

Не гимны, Турухтан, тебе дичина свищет,

Возмездия делам твоим тиранским ищет.

Когда народ стенет, всяк час беда, напасть,

Пернаты, зная, злодейств терпеть не станут боле!

Им нужен добрый царь, — ты ж гнусен на престоле!

Коль необуздан ты — твоя несносна власть!

И птичий весь совет решился,

Чтоб жизни Турухтан и царствия лишился.

К такому приступить гораздо делу трудно!

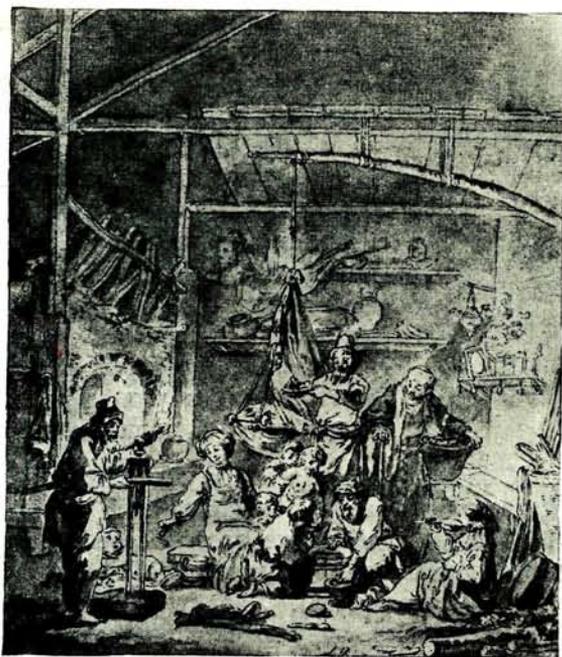
Однако, как же быть?

Казалось многим то безумно,

В КРЕСТЬЯНСКОЙ ИЗБЕ

Рисунок Ж. Б. Лепренса (вторая половина XVIII в.)

Государственный Эрмитаж, Ленинград

Но чем иным переменить?..
 Ужасно действие и пропасть в нем греха!
 Да как ни есть
 Свершили мечь—
 Убили петуха!
 Не стало Турухтана,—
 Избавились тирана!
 В восторге, в радости, все птицы вне себя,
 Злодея истребя,
 Друг друга лобызают
 И так болтают:
 «Теперь в спокойствии и неге заживем,
 Как птицу смирную на царство изберем!»
 И в той сумятице на трон всяк предлагает:
 Кто гуся, кто сову, кто курицу желает,
 И в выборе царя у птиц различный толк.
 О, рок!
 Проникнуть можно ли судеб твоих причину?
 Караеть явно ты пернатую дичину!
 И вдруг сомкнулись все, во всех местах запели,
 И все согласно захотели
 Чтоб Тетерев был царь.
 Хоть он глухая тварь ¹¹⁸,
 Хоть он разиня бестолковый,
 Хоть всякому стрелку подарок он готовый,
 Но все в надежде той,
 Что Тетерев глухой
 Пойдет стезей Орлицы...
 Ошиблись бедны птицы!

Глухарь безумный их—
 Скупяга из скупых,
 Не царствует—корпит над скопленной добычю,
 И управлять другим несчастной отдал дичью.
 Не бьет он, не клюет,
 Лишь крохи бережет.
 Любимцы ж царство разоряют,
 Невинность гнут в дугу, срамцов обогащают...
 Их гнусной прихотью: кто по миру пошел,
 Иной лишен гнезда—у них колья не нашел.
 Нет честности ни в чем, идет все на коварстве,
 И суший стал разврат во всем дичином царстве.
 Ведь выбор без ума урок вам дал таков:
 Не выбирать в цари ни злых, ни добрых петухов.

К басне Дениса Давыдова примыкают любопытные дилетантские вирши неизвестного автора «Сновидение, бывшее мне в ночь на 4-ое июля 1794 года», где также дается своего рода историческое обозрение всех трех царствований—Екатерины («Фелица»), Павла («лев», «левишка») и Александра («осел»). Характерно, что при всей ненависти к Павлу I автор отмечает «одну лишь справедливость» сего «алчного льва», а именно «умерщвление горделивости и лукавства», а также с явным сожалением вспоминает щедрость Павла, который «не думал о крестах и казне», награждая своих любимцев. Это прямой укол Александру I.

«Сновидение» написано стихами и прозой. Опускаем прозаическое введение, где автор рассуждает о вреде карточной игры, и приводим стихотворный текст. Автор заснул после крупного проигрыша и во сне «представилось ему следующее видение»:

Будто я по утру рано,
 На рассвете, может быть,
 От приятеля И д а н а *
 Принужден пешком иттить!
 Потому что изломалась
 Ось кареты моея.—
 Ж у т к о мне итти казалось;
 Признаюсь трусенек я!
 Люди ж все мои остались:
 У кареты с лошадьми;
 Все над ней они копались
 Все трудились вельми!
 Вот резон, что за собою
 Я слуги не потащил;
 А с претолстою клюкою
 Лишь один домой з а р ы л.
 Шел и всюду озирался,
 Пихорадку страдал;
 Тени собственной боялся,
 И столбов, канав дрожал.

* Имя известного нам Банкира.— Автор.

Миновал Сенную разом—
 Невской весь проспект прошел,
 Но меж тем блеснул алмазом
 Солнца лучь, и—день расцвел!

Утро было превосходно,
 В форме милая весна!
 Выхожу на место лобно:
 Площадь вся людьми полна!
 Весь Сенат цветами убран,
 Монумент весь в лаврах был,
 Центром он в народе избран,
 Круг его весь сонм толпил.

Имя мудрые Фелицы
 Возглашали до небес!
 Имны пели ей певицы
 И тьма сыпалась чудес!—
 Сонмы Гениев летали
 И венцы носили ей;
 Нимфы розы рассыпали,
 По путям, ведущим к ней.

Там до тысячи Амуров
 В колесницах золотых
 Кучу славных трубадуров,
 Позабыв что во святых,
 Сами мчали ко царице,
 Угодить стараясь ей;—
 И с почтением Фелице
 Поднесли венки лилей!

И Минерва мудролюбна
 Бог войны, кровавый Марс;
 Словом:—Галка и Голубка,
 Заяц, Лев и лютый Барс,
 Все Фелице поклонялось!
 «Все услуги предлагали
 И за щастие считали
 Угодить коль удавалось».

Праздник был весьма великой,
 Что нет силы описать:
 Просвещенной, даже дикой—
 В боги рад ее включать!—
 Все довольством наслаждались
 Сень у всякого была,
 Ели, пили, прохлаждались:
 Жизнь блаженной всех слыла!—
 «Я дивился с благовеньем
 «И считал непостижимой,
 «К ней исполненный почтеньем,
 «Обелиск доброты зримой!»

К сонму радостных приставши,
 Лепетал—«Се Россов мать!
 «Мы теперь тебя познавши,
 «Ради все сердца отдать!»
 Торжество такое длилось,
 Мне мечталось тридцать лет;
 Как без шуток, точно снилось:
 Верь пожалуй или' нет!

«Но уставши, ослабевши
 «Пир и радости оставил,
 «На извощика тут севши,
 «Путь домой я свой направил».
 Вот несчастие!—забываю
 Ключь от хаты я своей,
 Возника опять наймаю—

Вспять пуститися скорей.
 Конь несется—пыль столбами
 Подымается от ног;
 Что держать едва руками
 Он его тогда возмог!!

«Вот опять уж пред Сенатом
 «Мигом с дрожек я слезаю,
 «Возника свою пускаю»—
 И пешечком пробираюсь меж толпой:
 Вижу Гвардию парадом
 Распростерту стороной,
 А народ уныл в печали
 Вдруг премену испытал;
 Клики радости пропали:
 Вопль и стон я лишь внимал!
 Удивился и—не знаю,
 Что подумать:—обомлел!
 Те же лица все встречаю,
 Лишь веселья не нашел.

Тишина везде простерлась
 Смерть отверзла люту пасть,
 Скука с яростию сперлась
 И в народ ввела напасть.

Я дрожал и опасался:—
 Знать причину перемен,
 Думал, видел, сомневался,
 Мнил, что я обворожен!

Но решить чтоб подозренья
 Втерся я в толпу людей.—
 И увы!—О страх!—мученье!
 Россы! вас попрали злодей!..
 Зрак Петров исчез в минуту
 И на месте монумента

Я узрел Гиенну Люту!!
 — — — — — !! *

На прекрасном пьедестале,
 На коне, где Петр сидел,
 В страшном пламенном уале **
 Дикой лев рычал, ревел!

АНГЛИЙСКАЯ ЦВЕТНАЯ КАРИКАТУРА, ИЗДАННАЯ В ФЕВРАЛЕ 1800 г.: НАПОЛЕОН ДЕРЖИТ НА ЦЕПИ РУССКОГО МЕДВЕДЯ — ПАВЛА I

Карикатура имеет в виду сближение России с Францией в последние месяцы жизни Павла и в связи с этим разрыв с Англией, приведший к подготовке военных действий русской армии против Англии
 Публичная Библиотека, Ленинград

Глаза, кровью напоенны,
 Всюду простирали смерть!
 Зверь лихой, ожесточенный
 Мнил труды Фелицы стертъ.
 Всех терзал, тиранил, мучил,

* Пропуск в рукописи.—В. О.

** То-есть в вуали.—В. О.

Грыз, жевал и ел народ,
 Быть минуту тихим скучил,
 Прекратил почти все в год.
 И плоды Фелицы нежной,
 П р о с в е щ е н и я п л о д ы!
 Были жертвой неизбежной:
 Зверь низверг ее труды;
 Все по-своему коверкал,
 Новый вид дурной давал

— — — * — — — *

И доброт трофей сломал.

Злых людей, тиранов дерских
 Он любимцами избрал,—
 И в делах прениских, мерских
 Лютой аспид утопал:
 Войско мучил по пустому,
 В букли все его вчесал
 И по вымыслу смешному
 По-дурацки одевал! — — —

Им одним и занимался,
 О другом совсем забыл,
 В мыслях свет пленить збирался—
 Мальту даже победил **

Ей Гросмейстером назвавшись,
 Утешался, как дурак,
 Вздором сущим занимавшись,
 Не в перед—о н п о л з к а к р а к.

Всех мужей мудролюбивых,
 Всех советников благих,
 Он из Росских стран щастливых
 Высыпал в края чужих.

И сажал в тюрьмы поносны,
 Иль к Т о б о л ю отвозил,
 Иль во гневе громоносном
 Он других мертвил, казнил.

Словом: все равно страдали—
 И невинной и злодей,
 Все тирански погибали
 От его острых когтей.

Скиптр железной совершенно
 Бедных Россов всех попрал,
 Ах! из них всяк несомненно
 Тяжесть ига испытал!

Вот одну лишь справедливость
 Лев нам алчный изъявил,

* Пропуск в рукописи.—В. О.

** Говорят, что на острове Мальте жилали самые храбрые и отважные львы.— Автор.

Что тирански горделивость
И лукавство умервил.

Наградить кого коль вздумал,
То уж славно награждал:
О крестах, казне не думал,
Все любимцам отдавал.

Но за то и наказанье
Было слишком ч е р е з - ч у р...
Вкусишь истинно страданье,
По неволи бросишь дурь.

Век подобной продолжался
Я не помню сколько, как,
Потому что я боялся,
Хоронился как Б а й б а к.

Но то живо представляю;
Как вдруг т р о й к а с о р в а н ц о в ¹¹⁹,
Из Российского же краю
Подобравши удальцов,
Наскочили на злодѣя
Как бедняк л е в и ш к а спал,
Зев его оцепеня
Зла коварств не изрыгал.

Молодцы к нему подкрались
И у в а л е м з л а т о т к а н н ы м ¹²⁰,
Адска сына постарались
С духом низким и поганым
«О т п у с т и т ь в л у т ч а й ш и й м и р
«Т у т и с ч е з е г о к у м и р»».

Россов пляски раздалися,
Новый век золотой настал,
Сонмы радостей неслися,
Град веселостей ниспал.

Все темницы отворились,
Сын спешит отца обнять,
Старцы страждущи явились
Чтоб детей, семью лобзать.

Все кричали: се золотое
Время нам господь послал;
Время райское, святое
Век блаженства всех восстал ¹²¹.

Я стоял и удивлялся
Скорой радости такой;
Льва хотя уж не боялся,
Но н е в м е с т е был дух мой.
И не знаю сердцем что-то беспокойство

Ощутил

Дух уныл!—

Вдруг на новое устройство

Робкой взор мой обратил.
Ах, на место льва лихова
Мне представился о с е л;
Он мычал не молвя слова:
Всяки вздоры, глупость плел!

Уши длинные висели,
У него почти до ног;
Глазки хоть н а н а с глядели,
Видить ими он не мог.

«А прокляты лиходеи,
«Окружаючи его,
«Адски, мерски чародеи!
«Взяли власть всю у него».

Что хотели—то творили
Он лишь ротик разевал;
Они всем его кормили,
А проstack все то жевал.

Что не молвят: все прекрасно!
Жалкой скотик повторял;
И все в мире безопасно
Им охотно поверял ¹²².

Образумилися люди,
Вкруг стоящие меня
И шепнули меж себя:
«Что плывет теперь все ўди!
«А то братья! пропадем,
«Колдунами чародеям
«Коль даров не принесем».
Кучки стали расходиться,
Поведа различной толк,
Принужден и я тащиться
Во Семеновской свой полк * ¹²³.

XIII

Особое место в подпольной сатирической литературе 800-х годов занимает группа стихотворений, выражающих недовольство огромной массы мелкого служилого чиновничества, примыкавшего к придворно-гвардейской фронде, но тем не менее не сливавшегося с нею. Недовольство мелкого чиновничества, далекого от вопросов текущей политической жизни, вызвано было преимущественно предпринятой Александром I реформой государственного аппарата.

Борьба шла вокруг знаменитых указов 1809 г. о придворных званиях и об экзаменах на чины. К началу XIX в. придворные и административные штаты Российской империи необычайно разбухли. Множество чиновников было «причислено» к разным министерствам и учреждениям. Ничего не делая, они получали жалованье, чины, ордена, денежные подарки. Современник (В. Н. Каразин) писал, что «две трети служащих

* Я жил тогда в Семеновском полку.— Автор.

совсем не несут службу»¹²⁴. Особенно много бездельников было при царском дворе, где щедро раздаваемые по всякому поводу (а чаще без всякого повода) звания камер-юнкера и камергера давали классные чины (V и IV класса).

Указом 3 апреля 1809 г. лицам, носящим придворные звания, было предложено в двухмесячный срок избрать род действительной службы (гражданской или военной—безразлично), или же выйти в отставку. По новому закону только действительная служба давала право на полу-

М. Н. СПЕРАНСКИЙ

Гравированный портрет пунктиром, приписываемый И. Розанову
Государственный Эрмитаж, Ленинград

чение классных чинов, придворные же звания были объявлены исключительно почетными. По словам Ф. Ф. Вигеля, указ 3 апреля «обрадовал разночинцев», тянувших тяжелую служебную лямку в департаментах и канцеляриях, в то время как преуспевающие придворные бездельники обгоняли их на пути к высоким чинам и почетным наградам.

Но радость «разночинцев» была непродолжительной. В августе того же 1809 г. был обнародован второй указ, предписывающий в с е м чиновникам, претендующим на получение чина коллежского асессора, представить дипломы об окончании какого-либо из русских университетов, или же сдать специальный экзамен в объеме университетского курса.

Действие этого указа распространялось также и на производство в чин статского советника. Указ этот внес необычайное смятение в многотысячную армию русских чиновников, в огромном большинстве не блиставших своим образованием.

Как известно, указы 1809 г. были выработаны М. М. Сперанским. Естественно, что первый из них восстановил против Сперанского «золотую молодежь», составлявшую придворный круг, а второй— всю массу чиновников. «Дерзкий попovich» разрушал основы социального благополучия одних и посадил на школьную скамейку других. «После такой неслыханной наглости Сперанского, конечно, нельзя было не признать человеком самым опасным, стремящимся к уравниению всех состояний, к демократии и, отсюда, к ниспровержению всех основ империи»¹²⁵. На Сперанского открыто посыпались обвинения в «якобинской ереси», в иллюминатстве, в распространении революционного духа и разжигании ненависти к дворянскому сословию.

Дворянские Митрофанушки больше всего опасались, что при новых порядках все хлебные и почетные должности будут замещены умными семинаристами, обученными «римским правам». Эти опасения пронизывают все сатирические произведения, направленные против Сперанского:

Велики чудеса Сперанский нам явил:
 Науками он вдруг дворян всех задавил.
 Сперанский выдумал учить уж стариков
 И хочет делать он из мухи пауков.
 Велик он стал теперь, хотя и сын поповской,
 Но к сожалению в нем разум не отцовской.
 Громаду света он желает пременить
 И чтоб в хаосе том себя навек затмить¹²⁶.

С предельной четкостью настроения подобного рода выражает стихотворение «Увы», не бывшее еще в печати. Это поистине «воплъ» мелкого обездоленного дворянина (повидимому военного), который недоволен решительно всем: и возвышением Сперанского («правят росскими сынами не баричи, а звонари»), и награждением купцов орденами («знак чести» — вековая привилегия дворянина—дается «плуту»), и необходимостью засесть за изучение «философов, Вольтеров». Здесь все смешано воедино: и сознание ущемленного дворянского достоинства, и грозные филиппики по адресу богатых плутов и порочных сановников. Все это подается в плане тоскливых воспоминаний о «златом веке» Екатерининского царствования. В настоящем автор видит одни лишь «рюины» былого великолепия, с Екатериной для него «погибло щастье россов», России он пророчит «дни паденья», судьбу разрушенных царств—Спарты, Афин, Греции и Рима. Перед нами своеобразный документ распада классового самосознания рядового русского дворянина.

УВЫ!

Что мир с неправдой подружился
 Повсюду зрим пример тому:
 Кто плут, тот в нем обогатился,
 А честной носит лишь суму.
 Развратник, совесть истребивши,
 Забывши бога, стыд и честь,

Обидя ближних и сгубивши,
Щастливо может жизнь провесть.
Зазренья совести не зная,
Он слез обидимых не зрит,
Шампанским совесть запивая,
На лоне нег спокойно спит.
А честной нудится, трудится
Но что ж в награду?.. Нищета!
От честности нельзя разжиться
И честь со бедностью слита.
Бедняк повсюду зрит препоны:
С богатым в тяжбе ль... проиграл!
Того лишь милуют законы,
Кто более Акцизу дал.
Будь плут, будь вор, но есть богатство —
Тот в свете честным прослышет,
Чрез деньги всякое препятство
Как лед весною пропадет:
Видал я что и пенсии —
Награда службы многих лет —
Даются тем, кто миллионы
Вельможам стороной дает.
А тот кто ранами, трудами
Кусок сей малой заслужил,
Имеет лишь мундир с дырами,
В комплект без денег не вступил.
Видал ей-ей [и я] в столице
Увечных воинов тех тьму,
У коих крест висит в петлице,
А воин сей несет суму!!!
Кресты хоть есть, но не питают,
Здоровья... сил... не возвратят,
Они его лишь отягчают
И по миру бродить стыдят.
Да и златые те медали,
У нас отличьем что сльвут,
За деньги часто продавали,
Чтоб был еще нарядней плут.
За деньги, вещи дорогие —
Достоинства пойдут тотчас,
Услуги важные, большие
Царю представят на показ.
Монарх же, видя представленье,
Подумает, что точно так,
Свое подпишет изволенье
Послать для плута чести знак.
А тот наденет и гордится,
Что я-де орден получил,
И часто кто купцом родится,
За деньги барство подцепил.
Недавно видел я в столице,

Как плут Владимира надел...
Так точно: он висит в петлице,
Но плут сим сердца не согрел.
По правде к ближнего любленью
Все плут остался к сожаленью.
Но чудно то: что в орден плута
Монарх наш кроткий нарядил.
Но чудно то, что из банкрута
В купцы статейны посвятил.
Святой Владимир за заслуги
Давали барам лишь одним,
Иль кто отечеству услуги
Соделал разумом своим:
На тех сей орден надевали
И тех он только украшал,
В него купцов не наряжали,
Его дворянству царь давал.
Купцам же честности в награду
Рескрипт давали и медаль.
Она шла точно к их наряду,
Рескрипт же был для них скрижаль.
Но ныне что сии медали?
Какое уваженье к ним?
Кому ж ужь их не надевали —
И коновалам-то самим!!!—
Святой Владимир в униженьи!
Великий боже!.. стынет кровь!
Тот крест упал, что был в почтеньи,
Падет и к Отчеству любовь.
Падет и слава, честь России,
Которую приобрела.
Увы! знать дни ее златые
Екатерина унесла.
Исчезла Россов мать, царица,
И щастье их погибло с ней!
Москва, хоть та же все столица
Но все не то, что было в ней.
Россия, зри свои рюины,
Оплачь падение свое,
Твои министры, Агриппины,
Лишь губят бытие твое.
Они тебя лишь унижают,
О прежней славе не брегут,
И дни паденья ускоряют,
Тебя собою погребут.
Исчезла Спарта и Афины,
Исчезла Греция и Рим,
Из царств столь сильных лишь рюины
Одни мы ныне только зрим.
И ты падешь, Россия, равно,
В тебе все клонится к сему,

Приходит время своенравно
Нельзя сказать: П о с т о й! ему.
Быть может что небес веленья
Удержит Россов нежна мать *,
Пред богом коль прольет моленья
Велеть чтоб время обождать
Разрушить то, в чем век трудилась,
Как правила она тобой...
И в чем с бессмертными сравнилась,
Тебе дав жизнь, закон, покой.
Непостижимая царица!
Пролей моленье в небесах,
Чтоб время мощная десница
Не обратила Россов в прах.
Святой Владимир позабудет,
Что он наградой стал кушцу,
С тобой, с тобой молиться будет
О нашем щастии творцу;
Его молитвами, твоими
Спаси Россию ты свою,
Еще побудь между родными
И дай головушку твою.
Премудрости твоей лучами
Их разум темной озари,
Что правят Росскими сынами
Не баричи, а звонари!
Которые людей не знают,
Быв сами прежде гнусна тварь,
За деньги только награждают,
Хотят чтоб был обманут царь.
И, презрев грамоту дворянства,
Которую дала ты нам,
Наделали нам тьму препятства
К стезе, ведущей нас к чинам.
Велят философов, Вольтеров,
Спинозу и других читать,
А сами в том собой примеров
Никак не могут подавать.
Увы!.. твои увянут лавры,
Царица Россов, нежна мать!
Чтоб все мы были бакалавры
Нас станут нынче обучать
Не тем, не тем, увы! искусствам,
Которы ты твердила нам,
Писав наказ по русским чувствам,
Нет, нет! по римским правам,
Которых мы с тобой не знали,
А жили щастливо без них,
Законы русские читали

* Екатерина.—Автор.

И нужды не было в чужих.
 Теперь обычаи и нравы
 Уже другие стали в нас,
 Другие нужны нам уставы,
 А твой в пыли лежит наказ!
 Тобой он писан был для русских
 И все в нем русские слова...
 Для нас, людей полуфранцузских,
 Нейдет безделка такова.
 И так прости, о мать нежна!
 Закон и страх Европы всей!
 Знать наша участь неизбежна
 И должно славе пасть твоей.
 Но нет! хоть славы лавр увянет,
 Хотя Россия и падет,
 Но солнышко лишь чуть проглянет,
 То лавр опять твой процветет.
 Забудут ли твои потомки—
 Должны хоть Россы упадать,
 Но, в бедности неся котомки,
 Царицу будут вспоминать.
 Никто из нас и не единой
 Без слез не может произнестъ,
 Что жили мы с Екатериной
 В раю, коль на земли он есть.
 Что мы с тобой существовавши
 Дышали милостью твоей,
 С Екатериной жизнь вкушавши
 И умерли мы вместе с ней¹²⁷.

Это глубоко пессимистическое стихотворение как бы подводит итог тринадцатилетней (1796—1809) борьбы дворянской фронды за возвращение утраченных «вольностей» золотого века Екатерины. Итог весьма красноречивый. Прошло всего лишь тринадцать лет —

и что ж осталось
 От сильных, гордых сих мужей,
 Столь полных волею страстей?
 Их поколенье миновалось...

В новую эпоху, начинающуюся под знаком борьбы русского самодержавия с первыми серьезными проявлениями радикально-буржуазных идеологий, дворянская фронда вступала разоруженной.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ См. «Стихотворения Петра Карабанова, нравственные, лирические, любовные, шуточные и смешанные, оригинальные и в переводе». СПб., 1801, стр. 252—256.

² Вопрос об авторстве этой сатиры поставлен в статье К. Я. Грота «Кто автор сатиры на первых министров Александра I. Из материалов по изданию Державина» («Известия Акад. Наук СССР», VII серия. Отд. обществ. наук. 1931, № 1. Тут же сатира издана в последний раз).

³ Я хочу дать в моей публикации именно неизданный материал, но оговариваюсь, что поручиться за неизданность всех текстов, включенных мною в нее, было бы слишком смело при настоящем состоянии нашей библиографии.

⁴ Текст стихотворения дается по списку середины XIX в. в сборнике «Девическая игрушка или полное собрание эротических, приапических и цинических стихотворений Ивана Семеновича Баркова»... и т. д. (т. II, стр. 311—314), хранящемся в Институте Русской Литературы Академии Наук СССР. Этот сборник составлен вполне осведомленным любителем, даже в своем роде знатоком дела. В частности, к тексту данного стихотворения он дает варианты; следовательно он имел несколько списков под руками. К началу стихотворения он дает примечание—краткие сведения об Анне Иоанновне; он не сомневается в том, что речь в стихотворении идет именно о ней. Между тем нет ничего невероятного в том, что подзаголовок стихотворения («Сатира на русскую императрицу Анну Иоанновну») — добавление позднейшее по сравнению с текстом.

⁵ Следует оговорить, что Екатерина проезжала так близко от Глухова не в самый великий пост (см. последнюю строфу стихотворения), а за несколько дней до его начала.

⁶ Вариант «квартального», или другой, непечатный.

⁷ В тексте сборника ИРЛИ—другой вариант: «Вскричал... во фрунт!» Здесь дана формулировка, приведенная там в вариантах, ради печатности ее.

⁸ «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», 1759 г., февраль, стр. 191. Ср. П. Пекарский.—«Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755—1764 гг.» 1867 г.

⁹ Грибовский оставил «Записки о императрице Екатерине Великой». Исследование об этих записках и о самом Грибовском см. у В. А. Бильбасова.—«Историч. монографии», т. II, 1901.

¹⁰ В 22-м томе бумаг Державина почти все произведения—не его собственные. Ко времени до 1796 г. относится лишь несколько вещей: в начале сборника одна печатная эпистола и в конце его несколько рукописей. Басня «Быль в-очью совершается» помещена в особой тетрадке (№ 83 в томе сборника), вшитой в сборник; несомненно вся эта тетрадка занята Державинскими стихотворениями. Здесь помещены четыре его надписи «для монумента» Потемкина, потом «Басня Дуб и Прохожий» и «Басня Кедр и Прохожий»; обе басни, как и другие стихотворения в тетрадке, писаны рукою писца; но в тексте басен много поправок (и значительных) рукою Державина; затем идет стихотворение «Быль в-очью совершается». Тут же, на листе, повидимому вложенном в тетрадку, автограф Державина, набросок стихотворения «Ивану Михайловичу Бакунину» (черновик; возможно впрочем, что этот лист относится к более позднему времени).

¹¹ Вероятно ошибка писца: «и» лишнее.

¹² Вероятно ошибка писца: вместо «свершается».

¹³ «Русский Архив» 1908, т. III, стр. 402—404. «Эпитафия на смерть его светлости кн. Г. А. Потемкина-Таврического». Сообщ. Л. Мандеевич.

¹⁴ Часть I. 1796. Хранится в Публичной Библиотеке в Ленинграде, стр. 45.

¹⁵ Он занимал должность оберстер-кригскомиссара флота, занимался поставками на армию, участвовал в постройке Николаева и др.

¹⁶ Двустигшие извлечено из рукописного сборника конца XVIII в., хранящегося в Публичной Библиотеке в Ленинграде (Ф. XVII, № 80, л. 50, стр. 97).

¹⁷ В рукописи явная ошибка: «хвали».

¹⁸ Стихотворение извлечено из рукописи Публичной Библиотеки в Ленинграде. Ф. XVII, № 80, стр. 12.

¹⁹ Письма и бумаги Суворова. Объяснил и примечаниями снабдил В. Алексеев, т. I. Письма 1764—1781. П., 1916, стр. 380 (примечания).

²⁰ Там же, стр. 381.

²¹ Об авторстве П. Потемкина в отношении последнего произведения см. письмо к нему кн. А. Голицына от 5 апреля 1795 г.—«Русский Архив» 1879, т. II, стр. 441 и примеч.

²² «Русский Архив» 1880, т. III, стр. 379 и сл. («Бумаги П. П. Бекетова»).

²³ Вып. VI, 1897, стр. 335—336.

²⁴ «Русский Архив» 1894, т. I, стр. 94—96. «К биографии гр. П. С. Потемкина». Сообщ. А. Н. Корсаковым.

²⁵ А. Т. Болотов, Памятник протекших времен или краткие исторические записки о бывших происшествиях и о носившихся в народе слухах. М., 1875, ч. I, стр. 91.

²⁶ См. В. Алексеев, Примеч. к письмам и бумагам Суворова. Указ. место.

²⁷ Отношения Г. Потемкина к его племянницам Энгельгардт общеизвестны.

²⁸ Жена Павла Потемкина.

²⁹ Т. е. именной указ (о графском титуле); впрочем П. Потемкин получил графство через три с лишним года после смерти Гр. Потемкина.

- ³⁰ Видимо ошибка: вместо «корыстолюбных».
- ³¹ Намек на фамилию Потемкин.
- ³² № 70—в нумерации произведений, включенных в том-сборник.
- ³³ Может быть ошибка: вместо «обожанье».
- ³⁴ В тексте явная ошибка: «Стригоном» (и еще: первые слова этого примечания ошибочно отнесены к концу предыдущего).
- ³⁵ Ганнибал укрылся у Пруссия Вифинского (Пруссия Хромого); в Вифинии он и умер. В тексте видимо ошибка.
- ³⁶ В тексте явная ошибка: «смог».
- ³⁷ П. Потемкин участвовал в штурме Измаила (1790).
- ³⁸ П. Потемкин принимал участие, кроме подавления Пугачевского восстания, в первой и во второй турецких войнах и в польском походе 1794 г.
- ³⁹ Повидимому имеется в виду участие П. Потемкина в первой турецкой войне, когда был занят русскими войсками Крым; последние ханы крымские Девлет-Гирей, Сагиб-Гирей и Шагин-Гирей принадлежали к династии Гиреев.
- ⁴⁰ Т. е. деятельность Потемкина во время его управления на Кавказе.
- ⁴¹ В тексте явная ошибка: «чтоб»; стих мог бы быть полон и в случае варианта: «Возможно ли чтоб слезы лил»; но, помимо звуковой нестройности, едва ли допустимой в данном стихотворении,—«Ь» в конце слова «Возможноль» есть в тексте результат исправления другого написания и, следовательно, труднее допустить здесь ошибку.
- ⁴² Сборник Публичной Библиотеки в Ленинграде. F. XVII, № 80, лист. 101 об.
- ⁴³ «Архив кн. Воронцова», т. XIV. 1879, стр. 511—512.
- ⁴⁴ Вероятно ошибка: вместо «во Питер».
- ⁴⁵ Вероятно ошибка: вместо «буянств».
- ⁴⁶ Ям—почтовая станция: «селенье, коего крестьяне отправляют на месте почтовую гоньбу, и где для этого станция стан» (Даль).
- ⁴⁷ Князем был брат Николая Зубова (графа)—Платон, любовник Екатерины.
- ⁴⁸ Может быть ошибка: вместо «учиться».
- ⁴⁹ Все эти три связанные между собой стихотворения извлечены из рукописного сборника Публичной Библиотеки в Ленинграде. Q. XVII, № 183, т. III, стр. 64—65 (они помещены здесь среди произведений конца 1801 г.).
- ⁵⁰ Стихотворение извлечено из упоминавшегося уже сборника А. Т. Болотова «Магазин достопамятных и любопытных бумаг и пиес, носившихся в народе». Ч. I, 1796, л. 99—99 об., стр. 187—188 (Публичная Библиотека в Ленинграде).
- ⁵¹ Рукопись Публичной Библиотеки в Ленинграде. F. XVII, № 80, стр. 132—134. Месяцеслов, 1804 г. I, 45.
- ⁵² См. Е. С. Шумигорский и Император Павел I. 1907, стр. 171.
- ⁵³ Рукопись Публичной Библиотеки в Ленинграде. Q: XVII, № 266, л. 91—93 об.
- ⁵⁴ F. XVII, № 183, т. II, л. 25 об.—29.
- ⁵⁵ См. исследование В. И. Срезневского «Заметки А. Х. Востокова о его жизни». СПб., 1901 г.
- ⁵⁶ См. В. П. Семеновиков, Радищев. Очерки и исследования. 1923 (глава «Ода «Вольность»»).
- ⁵⁷ В рукописи явная ошибка: «перст».
- ⁵⁸ «Трости»—т. е. перу. Здесь «трость», потому что далее—«свиток».
- ⁵⁹ В рукописи явная ошибка: «укуру».
- ⁶⁰ В рукописи повидимому ошибка: «мнил»; даем наиболее вероятное чтение.
- ⁶¹ В рукописи явная ошибка: «зablужденья».
- ⁶² В рукописи явная ошибка: «древних».
- ⁶³ Возможно, что здесь в рукописи ошибка и что следует читать «отцы».
- ⁶⁴ «Мурза в чалме, певец Астреи»—Державин.
- ⁶⁵ В рукописи явная ошибка: «веком».
- ⁶⁶ В рукописи явная ошибка: «коровой».
- ⁶⁷ Белый орел—польский орден, символ Польши.
- ⁶⁸ Имеется в виду последний «раздел» Польши, т. е. уничтожение ее как самостоятельного государства в 1794—1795 гг. (менее вероятно, что имеется в виду второй раздел ее в 1793 г.).
- ⁶⁹ Может быть это ошибка рукописи, вместо «Опираясь».
- ⁷⁰ В рукописи явная ошибка: «И преклоншись с гербом Руины»; даем наиболее вероятное чтение (могло бы быть еще такое: «И преклоншись со гербом Руины»).
- ⁷¹ В рукописи повидимому ошибка: «Времена»; даем более вероятное чтение.
- ⁷² Неполный стих.
- ⁷³ Неполный стих.

- ⁷⁵ Дважды повторенное «Эх!» Может быть ошибка: вместо «Ах!»
- ⁷⁶ Может быть ошибка: вместо «Буде».
- ⁷⁷ Знаменитое землетрясение в Лиссабоне (1755 г.) послужило поводом к написанию весьма известной в XVIII в. поэмы Вольтера «Sur le désastre de Lisbonne», переведенной на русский язык И. Ф. Богдановичем. Геркуланум и Помпея погибли в извержении Везувия в 79 г.
- ⁷⁸ В рукописи написано «груды», может быть для зрительной рифмы.
- ⁷⁹ Может быть ошибка: вместо «кущей».
- ⁸⁰ «Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова». Берлин, 1870, т. I, стр. 9.
- ⁸¹ «Приятное и полезное препровождение времени» 1796, ч. XIII, стр. 145.
- ⁸² «Воспоминания Федора Петровича Лубяновского», 1872, стр. 91.
- ⁸³ А. Т. Болотов, Любопытные деяния и анекдоты, 1875, стр. 65.
- ⁸⁴ Н. А. Саблуков, Записки, в сб. «Цареубийство 11 марта 1801 года», 2-е изд., 1908, стр. 14.
- ⁸⁵ «Голос Минувшего» 1914, № 1, стр. 286.
- ⁸⁶ Ф. Ф. Вигель, Записки, т. I, 1928, стр. 124.
- ⁸⁷ С рукописи. Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде. А. Т. Болотов, Магазин достопамятных и любопытных бумаг, носившихся в народе, ч. II.
- ⁸⁸ Ф. Ф. Вигель, *op. cit.*, стр. 122.
- ⁸⁹ А. Воейков, Дворцовая революция 1801 г., ее причины и следствия (с рукописи, сборник Публичной Библиотеки Ф. XVII, № 108).
- ⁹⁰ «Цареубийство 11 марта 1801 года», указ. изд., стр. 93.
- ⁹¹ *Ibid.*, стр. 299.
- ⁹² *Ibid.*, стр. 391.
- ⁹³ «Сочинения Державина» с объяснительными примечаниями Я. Грота, изд. Академии Наук, т. VI, 1871, стр. 739—740 и т. III, 1866, стр. 501.—Кто такой Лаба—неизвестно, Босканф же (вернее: Боскамп) служил тайным агентом русского правительства в Константинополе и Варшаве, современники именовали его «подлым доносчиком». Шешковский, Степан Иванович—прославленный начальник тайной полиции при Екатерине II.
- ⁹⁴ «Русский Архив» 1879, № 12, стр. 404—405.
- ⁹⁵ По официальной версии Павел I скончался от апоплексического удара.
- ⁹⁶ Ланской, Степан Сергеевич (1760—1813)—гофмаршал.
- ⁹⁷ С рукописи. Публичная Библиотека, сборник Q, XVII, № 266, с проверкой по другим спискам (там же, в сборнике Q. XVII, № 183, т. IV и в «Магазине» А. Т. Болотова, ч. II).
- ⁹⁸ Цитирую по Русскому Биографическому словарю, т. «Г», стр. 61.
- ⁹⁹ С рукописи. Публичная Библиотека. А. Т. Болотов, Магазин достопамятных и любопытных бумаг, ч. II (под заглавием: «Стихи, носившиеся в народе в 1802 году на князя Гаврилу Петровича Гагарина»).
- ¹⁰⁰ С рукописи. Публичная Библиотека. Сборник Q. XVII, № 183, т. II, с примечанием: «Сии стишки писаны на бывшего в Вятке губернатора, а потом сенатора Лопухина» (автор ошибся: Лопухин был сенатором не в Вятке, а в Ярославле и Вологде).
- ¹⁰¹ А. Н. Вельяминов-Зернов, Убиение Павла I, в сб. «Цареубийство 11 марта 1801 г.», указ. изд., стр. 114.—Стотридцатипушечный корабль «Благодать», заложенный 25 февраля 1797 г., был спущен на воду 1 августа 1800 г. в присутствии самой А. П. Лопухиной-Гагариной.
- ¹⁰² «Архив братьев Тургеневых», изд. Академии Наук, вып. 5, 1921, стр. 116.
- ¹⁰³ С рукописи. «Дворцовая революция 1801 г., ее причины и следствия».
- ¹⁰⁴ Часть II.
- ¹⁰⁵ В 1779—1782 гг. П. В. Лопухин «исправлял должность» петербургского обер-полицмейстера.
- ¹⁰⁶ Неизвестно, какой «молодец из компанейской конторы» управлял делами Лопухина и какого откупщика был он зятем.
- ¹⁰⁷ Долгоруков (Долгорукой), князь Яков Федорович (1659—1720)—один из крупнейших государственных деятелей петровской эпохи, образец неподкупности и прямоты, прославившийся своими спорами в Сенате с самим Петром I.
- ¹⁰⁸ Может быть имеется в виду служба Лопухина в должности московского гражданского губернатора (1783—1793), в круг обязанностей которого входил надзор над рынками.
- ¹⁰⁹ С рукописи. Публичная Библиотека. Сборник Q. XVII, № 183, т. IV.
- ¹¹⁰ С рукописи. Публичная Библиотека, «Магазин» А. Т. Болотова, ч. II.

¹⁴¹ «Ода его императорскому величеству Павлу I на победы во всеожделеннейший день рождения е. и. в.» (б. о. г.), «Ода императору Павлу I на начало XIX столетия» (1800), «Стихи е. и. в. Павлу I на случай освящения церкви в Михайловском замке» (1800) и «Ода е. и. в. Павлу I... на случай всемилостивейшего прощения отставных и исключенных...» (1800).

¹⁴² «Записки крепостного актера М. С. Щепкина», 1928 (по указ.).

¹⁴³ «Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого», 1888, стр. 48. Подробнее о Мещерском см. в комментариях к новому изданию «Записок» под ред. Вл. Орлова (гот. к печ.).

¹⁴⁴ С рукописи. «Дворцовая революция 1801 г., ее причины и следствия».

¹⁴⁵ С рукописи. Публичная Библиотека, собрание И. В. Помяловского, № 88, ХХ—«Разные пустячки» (из бумаг А. Т. Болотова).

¹⁴⁶ Н. И. Греч, Записки о моей жизни, 1930, стр. 329. Ср. также на стр. 209: «Смирение, бережливость, снисходительность Александра наскучили людям, которые недовольны ничем настоящим и или выхваляют прошедшее, или теряются в мечтаниях и планах о будущем. В то время ходила по рукам сатирическая басня «Орлица, турухтан и тетерева».

¹⁴⁷ Басня «Орлица, турухтан и тетерева» с неисправного списка, принадлежавшего П. А. Ефремову (ныне в Институте Русской Литературы), была опубликована в журнале «Былое» 1906, № 7, стр. 45—47. В исправленной и расширенной редакции она вошла в «Полное собрание стихотворений Дениса Давыдова» под ред. Вл. Орлова (печ.).—А. Т. Болотов, переписав басню Давыдова в свой «Магазин достопамятных и любопытных бумаг, носившихся в народе» (Публичная Библиотека), снабдил ее следующим «замечанием»: «Сие, хотя ловко сочиненное, но дерзкое и ядом и злостью дышущее и сожжения достойное стихоплетение пошло в народе в начале 1805 года. О сочинителе всеобщая молва носилась, что был он некто г. Давыдов, человек острый, молодой, но привыкший к таковым злословиям. И за сие будто бы был наказан ссылкой в Сибирь, чего он по всей справедливости был и достоин». Замечание Болотова, ценное авторитетным подтверждением авторства Дениса Давыдова,—неверно с фактической стороны: Давыдов не был сослан в Сибирь, повидимому до Болотова дошли преувеличенные слухи о переводе Давыдова (в 1803 г.) из кавалергардского полка в захолустный армейский (Белорусский гусарский) полк за «возмутительные» стихи (политические басни, сатира «Сон»). Весьма возможно, что и «Орлица, турухтан и тетерева» также была известна начальству Давыдова и сыграла свою роль при следствии и наказании.

¹⁴⁸ Александр I, как известно, был глуховат.

¹⁴⁹ Имеются в виду повидимому вожаки заговорщиков 11 марта 1801 г.: гр. П. А. Пален, кн. П. А. Зубов и Л. Л. Беннгсен.

¹⁵⁰ Т. е. шарфом.—Павел I по преданию был удушен шарфом, снятым с себя поручиком Преображенского полка А. В. Аргамаковым (по другой версии Я. Ф. Скарятин снял со стены шарф самого императора).

¹⁵¹ Восторг при воцарении Александра был всеобщим и, по свидетельству современников, «выходил даже из пределов благопристойности». На улицах люди плакали от радости, обнимали друг друга и целовались. С 12 по 21 марта Александр I освободил от тюремного заключения, вернул из ссылки и проч. около 500 человек, пострадавших при Павле (см. Н. Шильдер, Император Александр первый, его жизнь и царствование, т. II, 1897, стр. 7—15).

¹⁵² Имеются в виду вероятно «молодые друзья» Александра I—Чарторижский, Новосильцов, Строганов, Кочубей, составлявшие «негласный комитет», фактически руководивший внешней и внутренней политикой России в начале 800-х годов.

¹⁵³ С рукописи. Публичная Библиотека. Собрание И. В. Помяловского, № 88, ХХ.

¹⁵⁴ Н. Дубровин, Русская жизнь в начале XIX века, в «Русской Старине» 1900, т. 104, стр. 259; см. *Ibid.*, на стр. 258—259 «Записку» гр. Маркова, посвященную тому же вопросу.

¹⁵⁵ М. А. Корф, Жизнь гр. Сперанского, т. I, 1861, стр. 174.

¹⁵⁶ С рукописи. Публичная Библиотека. «Магазин» А. Т. Болотова, ч. IV. Ср. «Киевская Старина» 1889, № 4, стр. 194; *Ibid.* и другая эпиграмма на Сперанского—«Мысли унылого дворянина».

¹⁵⁷ С рукописи. Публичная Библиотека. «Магазин» А. Т. Болотова, ч. IV.

Глава I—VIII настоящей работы принадлежит Г. А. Гуковскому, главы IX—XIII—В. Н. Орлову.